МЕТРИЧЕСКАЯ СИСТЕМА МЕР

длины или линейные

(*км*) = 1.000 метров (*м*)
= 10 дм = 100 сантимет-

(*дм*) = 10 сантиметрам (*см*)
(*см*) = 10 миллиметрам (*мм*)

Меры площади

иетр (*кв. км*) = 1.000.000
х метров (*кв. м*)
(*кв. м*) = 100 квадратным
м = 10.000 кв. сантиметров
) = 100 арам (а) = 10.000
х метров (*кв. м*)
00 кв. метрам (*кв. м*)

Меры веса

1 тонна (*т*) = 1.000 килограммов (
1 центнер (*ц*) = 100 килограммам (
1 килограмм (*кг*) = 1.000 граммов
1 грамм (*г*) = 1.000 миллиграммов (

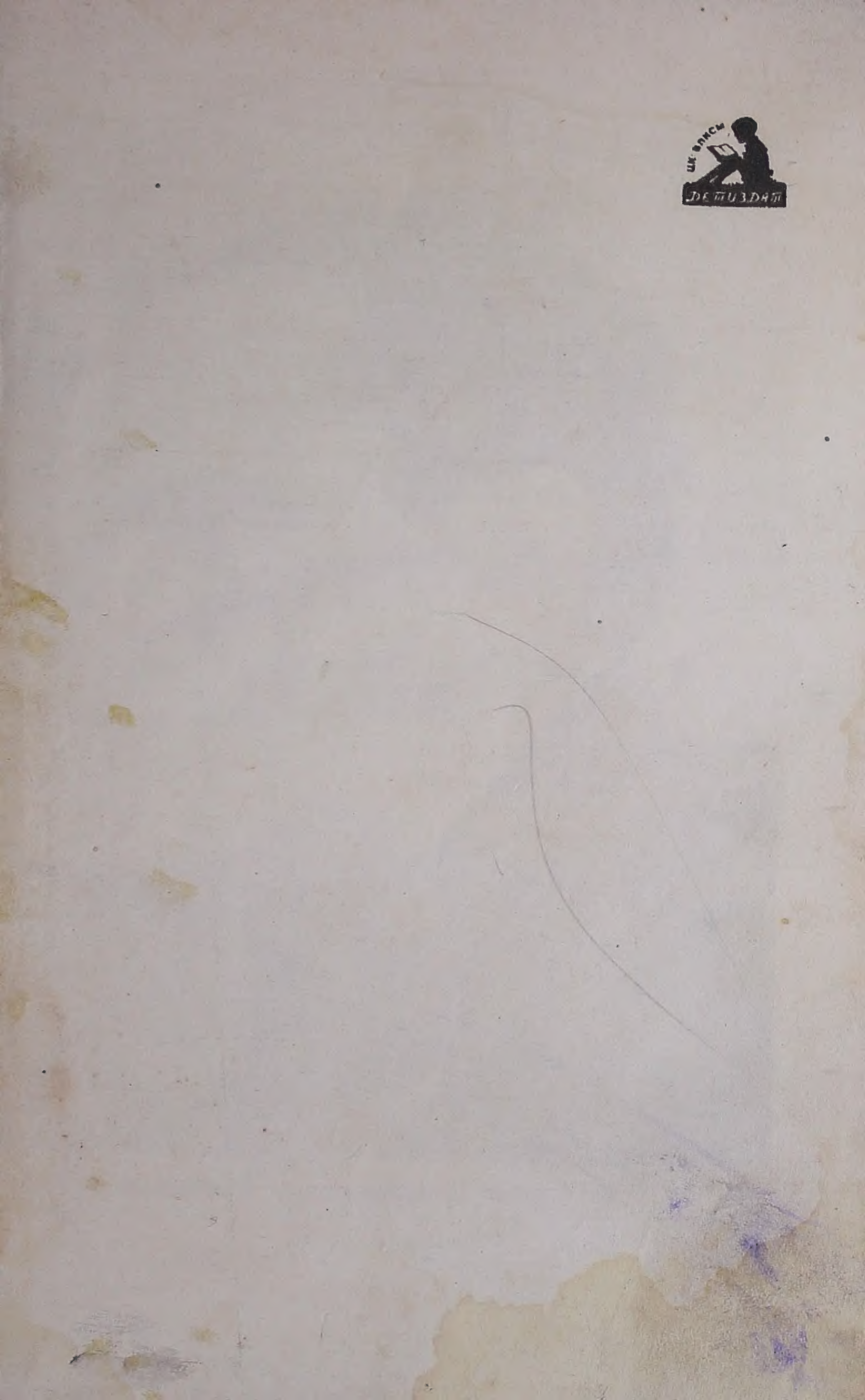
Меры объема

1 куб. метр (*куб. м*) = 1.000 кубич
ских дециметров = 1.000.000 куб
ческих сантиметров (*куб. см*)
1 куб. дециметр (*куб. дм*) = 1.000 ку
сантиметров (*куб. см*)
1 литр (*л*) = 1 куб. дециметру (*куб. д*
1 гектолитр (*гл*) = 100 литрам (*л*)

ТАБЛИЦА УМНОЖЕНИЯ

1 = 2	3 × 1 = 3	4 × 1 = 4	5 × 1 = 5
2 =			5 × 2 = 10
3 =			5 × 3 = 15
4 =			5 × 4 = 20
5 =			5 × 5 = 25
6 =			5 × 6 = 30
7 =			5 × 7 = 35
8 =			5 × 8 = 40
9 =			5 × 9 = 45
10 =			5 × 10 = 50
1 =			9 × 1 = 9
2			9 × 2 = 18
3			9 × 3 = 27
4			9 × 4 = 36
5			9 × 5 = 45
6			9 × 6 = 54
7			9 × 7 = 63
8			9 × 8 = 72
9			9 × 9 = 81
10 =			9 × 10 = 90

Цел … Молотовской обл.
ожк … каз № 1—48

ЦК ВЛКСМ
ДЕТИЗДАТ

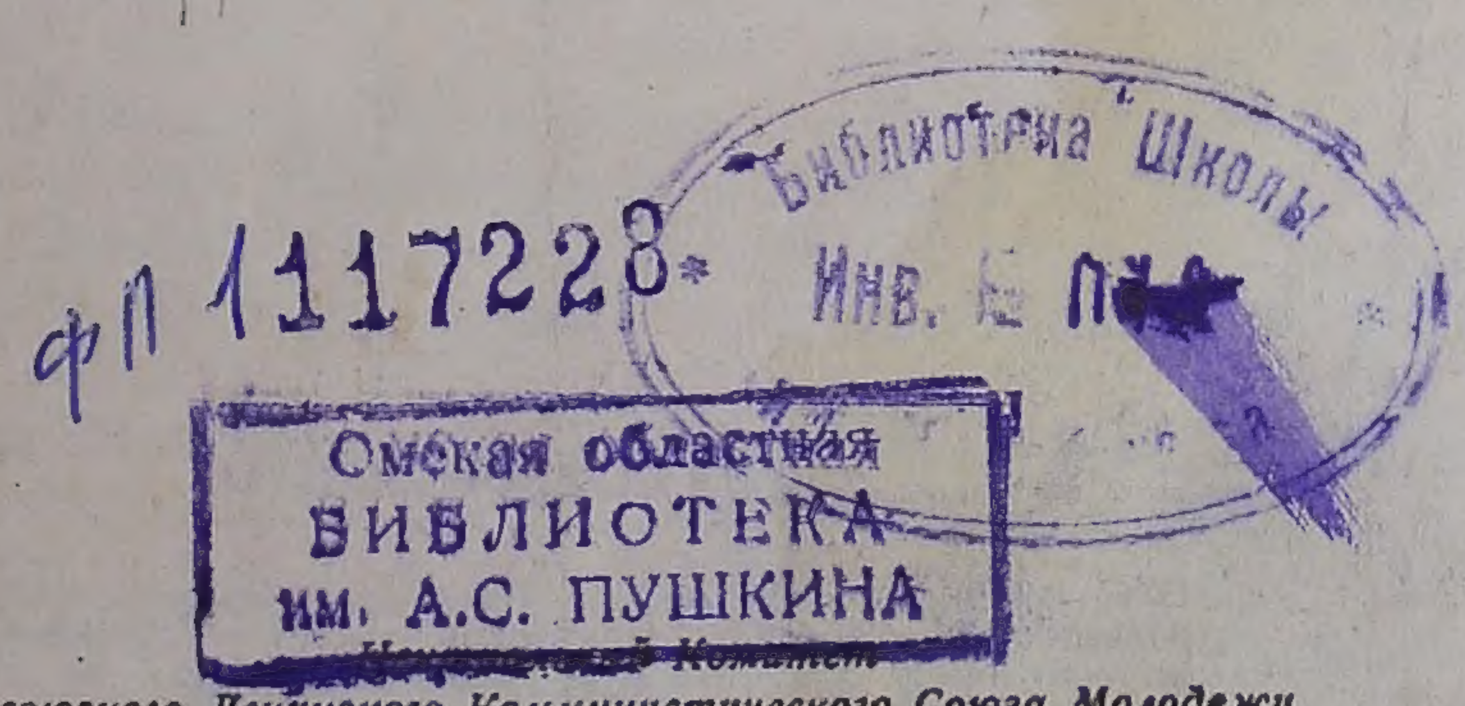
Валериан Владимирович Куйбышев.

ЕЛЕНА КУЙБЫШЕВА

ВАЛЕРИАН КУЙБЫШЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ СЕСТРЫ

Центральный Комитет
Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1939 Ленинград

91

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Ответственный редактор *К. Пискунов.* Художественный редактор *П. Суворов.* Технический редактор *Г. Шейнберг.* Корректоры *Н. Тарасова* и *Р. Гранова.* Детиздат № 1683. Индекс Д-8. Формат 82×113¹/₃₂. 6 печ. л. (3,49 учетно-авт. л.). Тираж 232 000 экз. Сдано в производство 27/XI 1938 г. Подписано к печати 27/XII 1938 г. Уполномоч. Главлита Б-56399. Заказ № 1503.

Фабрика детской книги Изд-ва детской литературы ЦК ВЛКСМ. Москва, Сущевский вал, 49.

ПРЕДИСЛОВИЕ

25 января 1935 года наша партия, рабочий класс, вся наша страна понесли тяжелую утрату — не стало Валериана Владимировича Куйбышева, чья героическая жизнь была прервана вражеской рукой изменников родины.

Злейшие враги народа — троцкистско-бухаринские бандиты — злодейски убили незабвенного Сергея Мироновича Кирова. Они умертвили славного чекиста В. Р. Менжинского, великого русского писателя Максима Горького. Они же, эти подлые убийцы, умертвили любимого друга трудящихся, выдающегося строителя социалистического общества — Валериана Владимировича Куйбышева.

Банда фашистских убийц — Бухарин, Рыков, Ягода и их злобная свора, — к радости всего советского народа, уничтожена! Да будут навеки прокляты имена палачей и предателей, отнявших у родины дорогие нам жизни Кирова, Куйбышева, Менжинского, Горького!

Имя Валериана Владимировича Куйбышева, мужественного большевика, верного соратника Ленина и Сталина, вечно будет жить в памяти народов нашей могучей родины.

Товарищ Куйбышев был одним из самых любимых сынов большевистской партии. Эту любовь к нему и горесть утраты с большой силой выразили в своем обращении к трудящимся товарищи Сталин, Молотов, Ворошилов и другие руководители партии и правительства. Они писали:

«Смерть вырвала из боевого штаба партии одного из виднейших руководителей, прекрасного товарища, близкого нам друга.

Валериан Владимирович *Куйбышев* с юношеских лет боролся под великим знаменем Ленина.

Он упорно, не покладая рук, работал и в большевистском подполье, и на фронтах гражданской войны, и на важнейших участках социалистического строительства.

Уже в 1905 году товарищ *Куйбышев* в Петербурге активно участвует в революции, как большевик. Он работает затем в большевистской организации Сибири, как партиец-профессионал; в перерывах между неоднократными ссылками и тюремными заключениями он ведет руководящую партийную работу и в большевистской организации Питера.

Февральская революция застает товарища *Куйбышева* на пути в очередную ссылку, в Туруханский край.

Товарищ *Куйбышев* — организатор большевиков Самары и их руководитель во время Октябрьского переворота.

Товарищ *Куйбышев* был одним из виднейших политических руководителей Красной армии в боях против чехословаков и колчаковцев, а затем на Туркестанском фронте.

Неутомимый, четкий в работе, беспредельно преданный делу пролетарской революции, — он являлся образцом выдающегося большевистского государственного деятеля.

...Товарищ *Куйбышев* умер на боевом посту, работая не покладая рук, изо всех сил до последней минуты своей жизни.

Он отдал всю свою жизнь, всего себя делу рабочего класса, делу нашего героического народа.

Прощай, наш родной и близкий Валериан».

Трудно что-нибудь добавить к этим словам. В них — весь Валериан Владимирович Куйбышев, бесстрашный революционер, до конца своих дней высоко несший непобедимое знамя Ленина — Сталина.

В этой книге рассказывается о детских и юношеских годах товарища Куйбышева, о его первых шагах в революционной работе и кратко о последующих годах его жизни. Пусть эти воспоминания расскажут детям об их большом друге, который нежно любил советских ребят и заботился о них.

Дом в Кокчетаве (ныне Кокшетау, Казахская ССР), в котором В. В. Куйбышев жил в детстве.

ГОРОД, ДОМ, СЕМЬЯ

Детские годы Валериана Владимировича Куйбышева прошли в городе Кокчетаве. Это небольшой городок в Казахстане, — теперь он называется Кокшетау. По одну сторону его лежит широкая степь, по другую — возвышаются скалистые, с глубокими ущельями горы.

Степь и горы соединяет большое зеркальное озеро — Копа. Озеро глубокое, дно у него песчаное, на берегу камешки, как у моря.

В старом Кокчетаве несколько улиц — без тротуаров, с природной песчаной мостовой, через которую пробивается мягкая зеленая травка. Несколько двухэтажных домиков, магазин с

большими зеркальными окнами и даже с коврами на лестницах.

Две площади — Мещанская и Казачья, — так же как и улицы, не были мощены, и на них через песчаную почву пробивалась мягкая, пушистая травка.

После сильного, проливного дождя потекут по колеям от колес прозрачные ручейки, пожурчат и скроются в рыхлой почве.

Валериан родился в 1888 году в Омске и совсем маленьким ребенком был привезен в Кокчетав, куда получил назначение начальником воинской команды его отец, Владимир Яковлевич.

Мать Валериана, Юлия Николаевна, поступила учительницей в казачью школу.

Если в Кокчетаве спросить первых встречных старожилов о Куйбышевых, они расскажут, как Юлия Николаевна и Владимир Яковлевич многих вывели в люди, как они помогали детям бедняков, отправляли их учиться в Петропавловск. Средства для этого добывали устройством спектаклей и вечеров, в которых участвовала вся семья.

Ими же были организованы народный дом и вечерняя воскресная школа. В школе занятия вели они же, а также знакомили население с новинками литературы — произведениями Толстого, Чехова, Горького.

Дом, в котором жила наша семья, был небольшой, деревянный, одноэтажный, окружен-

Семья Куйбышевых в 1896 году. В. В. Куйбышев сидит справа, положив руку на столик.

ный со всех сторон березами, черемухой и ветлами.

Весной дом утопал в цветущей черемухе, а летом в саду было много всевозможных цветов. Цветы выращивала мама. Она обычно говорила:

— Цветы любить надо, они чувствуют, когда к ним хорошо относятся, когда за ними с любовью ухаживают. Они — как дети.

Цветов было так много, что с приближением зимы в сад устраивалось настоящее паломничество горожан. Редкая семья не наделялась на зиму цветами из нашего сада.

Зимой дом заносили огромные сугробы, и у старых высоких берез виднелись только верхушки, — они казались кустарниками на снежных горах.

Наша семья была дружная, — жители города всегда ставили в пример наши семейные отношения. Не только богатства, но и среднего достатка в семье не было. Заработка отца и матери хватало только на то, чтобы безбедно жить и воспитывать детей. Нас, детей, в семье было восемь человек!

Одежда и обувь всегда переходили от старших детей к средним, а потом к младшим. Все это тщательно перешивалось, переделывалось по нескольку раз.

Обстановка в доме была самая обыкновенная, простая. Поддерживались чистота и аккуратность. Мамино рукоделие украшало все уголки нашего дома, создавая уют.

Рукоделием мама занималась каждую свободную минутку, хотя этих минуток было очень мало. Придет из школы — ее уже ждут дома ученики. Кончит занятия с учениками — принимается за хозяйство.

Мы никогда не видели ее без работы.

А в длинные зимние вечера собирались все в одной комнате: мальчики вырезывали, девочки вышивали, вязали, самые маленькие делали разные фигурки из размоченного гороха, скрепляя их спичками, а старшие по очереди читали вслух.

Маминому рукоделию приходили учиться знакомые. В гостиной всегда стояли пяльцы, на которых вышивались скатерти, для чего выписывался особый берлинский гарус разных цветов.

Зимой старшие дети — Толя, Надя и Воля — уезжали учиться в Омск.

Надя училась в гимназии и жила у бабушки, а Толя и Воля — в кадетском корпусе.

Ученики кадетского корпуса жили в общежитии. Кроме общих наук, их обучали военным наукам — маршировке, стрельбе, — подготовляя к военной жизни.

Из Омска старшие не приезжали даже на зимние каникулы: проехать двести восемьдесят верст на лошадях по снежной степи — не легкое дело.

Когда в доме у нас зажигалась елка, мы прыгали вокруг елки, веселились и танцовали под

папину игру на гитаре, а мама сидела в кресле и плакала о том, что нет Толи, Нади и Воли...

Мама вообще часто плакала: нет писем — слезы; пришло письмо, пока его распечатывает, — слезы; прочтет, если даже нет ничего печального, — опять слезы. Нас всегда это пугало; мы окружали ее, утешали.

Зимой по вечерам в доме была тишина. Дети рано ложились спать, а отец и мать долго читали вслух книги, которых в доме было много. На огонек приходили соседи, и чтение продолжалось далеко за полночь.

Летом нам, детям, было весело, радостно!

Приезжали старшие, привозили с собой товарищей, дом оглашался веселыми молодыми голосами, смехом, устраивались шумные игры, гулянье по горам, катанье верхом.

Мы никогда не замечали нужды. Родители поддерживали наше веселье и никогда не омрачали его.

Летом наш дом привлекал к себе молодежь города — учащихся, приезжавших на каникулы в Кокчетав. Мы редко куда-нибудь ходили в гости — веселились у себя дома.

В нашей семье все дети росли здоровые, только Валериан был болезненный мальчик.

Его поили кумысом, заставляли больше спать, гулять.

Валериан, Воля, как звали его в семье, учился хорошо, и его переводили без экзаменов из класса в класс.

В. В. Куйбышев в 1899 году (в форме ученика кадетского корпуса).

В нашей семье был еще брат, Миша, шаловливый мальчик, большой выдумщик.

Однажды Миша таинственно сообщил Воле, что слышал разговор папы с мамой о том, что Воля не наш, что его подобрали у нищих.

Миша сказал и скоро забыл, а на Волю этот рассказ произвел сильное впечатление. Он стал уединяться, грустить, плакать по ночам и даже собирался бежать разыскивать своих родителей.

Воля легко поверил этому, — знакомые часто говорили, что он ни на кого из семьи не похож. Он был очень худ, с большими удивленными грустными глазами, и, несмотря на свою живость и подвижность, часто бывал задумчив.

Ночью отец услышал: Воля плачет. Пришел к нему и стал расспрашивать — о чем?

Воля долго не говорил, отец настаивал.

— Зачем вы скрываете от меня, что я не ваш сын? Где мои родители?

Долго отец уговаривал его, что это неправда, что Миша выкинул свой очередной фокус.

Позвали Мишу. Тот тоже старался убедить Волю, что он пошутил, — он не знал, что Воля поверит ему...

Уже совсем большим Валериан говорил, что Мишину шутку он долго не мог забыть. При малейшей несправедливости близких он обижался, и ему казалось, что он чужой, что его не любят.

Воля часто сидел молча, задумчивый, сосредоточенный. Глаза его делались еще больше,

лицо вытягивалось. А иногда он в раздумье ходил по комнате и так углублялся в свои мысли, что не слышал, когда его кто-нибудь окликал.

Дети смеялись, а мама сердилась на него за рассеянность.

Но долго грустить Воля не умел. После задумчивости быстро наступало веселое оживление. Он придумывал новую интересную игру или фокус и спешил поделиться с нами.

В раннем детстве Волю называли «доспальта». Это потому, что он мечтал вырасти высоким до потолка и слова «до потолка» он произносил «доспальта».

Позже он мечтал быть Суворовым. Много читал о подвигах этого полководца, находил у себя с ним сходство, любил играть в войну.

Как Суворов, он спал на досках, сбрасывая матрац, обмывался холодной водой, делал гимнастику.

Стараясь быть храбрым, он и нас, младших, этому учил. Делал он это так: заставлял нас итти в совершенно темную комнату и залезать под кровать. Двери плотно запирались, а под кроватью лежала какая-нибудь вещь, которую нужно было принести ему в доказательство того, что мы были под кроватью.

Дрожа всем телом от страха, но боясь, что Воля заподозрит нас в трусости, мы лезли, приносили спрятанный предмет. Чем дольше просидишь в темной комнате под кроватью, тем выше получаешь отметку за храбрость.

Тогда Валериан нам казался очень взрослым, а сейчас мне ясно рисуется его совсем детское лицо и детские проказы.

Мы очень любили с Волей гулять по горам. Он всегда придумывал что-нибудь интересное, устраивал какую-нибудь страшную игру с приключениями.

Как-то раз он нас спас от змеи.

Гуляя в горах, мы наскочили на змею. Змея ползла на нас, и мы в ужасе бросились бежать.

Воля с гордым видом двинулся на нее, — вероятно, в это время он воображал себя Суворовым, а змею — целым полчищем врагов. Он храбро наступил на хвост змеи и быстро схватил ее руками. Мы торжествовали. Но... крик ужаса — и змея брошена, а «храбрый Суворов» держится за ужаленный палец.

Палец быстро синел и распухал. Мы очень испугались. Нашелся среди нас один мальчик, который перевязал очень туго веревочкой палец выше больного места, чтобы опухоль не шла дальше...

Печальные, мы возвращались домой. Наш «Суворов» всю дорогу молчал и только перед самым домом сказал:

— Только маме не говорите, а то она подумает, что змея ядовитая...

Он не боялся последствий укуса, но боялся огорчить мать.

Обошлось все благополучно — змея оказалась неядовитой.

Раз мы играли в крокет на полянке около дома. Вблизи, на другой полянке, паслись гуси. У них были маленькие желтые гусятки. Гуси в это время очень сердитые, особенно гусаки.

Шар от крокета закатился в самую гущу гусиного стада. Гуси насторожились, вытянули шеи. Никто не решался итти за шаром. И вот Воля опять проявил свою храбрость. Высоко подняв над головой крокетный молоток, он двинулся на гусей.

Гуси тревожно окружают его, шипят, щелкают языками, тянутся к нему, но он смел и ловок. Шар у него в руках, и он торжественно несет его к играющим. Мы хлопаем в ладоши, а отец смеется:

— Ведь он у нас Суворов...

Помню, как мы увлекались игрою в «моды»: из модных журналов вырезывались разные фигурки, и мы играли ими, как живыми действующими лицами. Они у нас совершали кругосветное путешествие, терпели крушения, снежные заносы, голод, нищету...

Мы увлекались, и скоро вместо вырезанных фигурок действующими лицами становились мы сами. Перевертывались столы, стулья, натягивались простыни, скатерти, и мы плыли по океану.

Вот Надя осталась на берегу: она не успела сесть на корабль, она плачет по-настоящему, мы все волнуемся, а капитан Миша ни за что не хочет послать за ней шлюпку — он непреклонен.

У Воли происходит борьба: он всегда, но

всех играх был спасителем, и это у него получалось без уговора с кем-нибудь. Жалость к Наде победила Волины колебания, и он бросается «в волны бушующего океана». Мы суетимся, бросаем спасательные круги, бегаем по палубе, вызывая недовольство капитана.

Надя, утомленная и промокшая, — на борту корабля. Мы заботливо окружаем ее, приводим в сознание, растираем руки, ноги. Воля победоносно смотрит на нас, стряхивая с себя «воду», сушится у «огня», и мы продолжаем свой путь, выражая благодарность Воле и совершенно серьезно сердясь на капитана Мишу. Плывем до нового приключения, до новой опасности.

Часто вся семья уезжала на целый день в горы или в лес, захватив с собой самовар и провизию.

Мы, конечно, опять устраивали игры. Разыскивали заблудившихся путешественников — спускались с каменных скал по веревочным лестницам, перекидывали мосты через пропасти.

Воля очень любил пение и музыку. Он хорошо подбирал все слышанные мелодии на мандолине, но голосом не мог передать ни одного мотива. Он это знал и, когда пели хором, говорил:

— А я буду держать паузы...

Как-то раз у нас на крыльце пела девушка. Песенка была печальная. Девушка пела о несчастной сироте, которой некому пожаловаться на свою одинокую жизнь.

Воля, слушая, тайком украсил шляпу девушки цветами и незаметно положил рядом с ней. Так он всегда оказывал певцу или музыканту какое-нибудь, хотя бы маленькое, внимание.

На другой день Воля играл на мандолине этот грустный мотив и сложил слова:

Слушайте, товарищи, песенку мою,
Эту песнь сложил ведь я про судьбу свою...
Будто бы остался я в свете одинок,
И никто мне ласковых слов сказать не мог...

В тринадцать лет Воля уже не производил впечатления больного мальчика, он не казался некрасивым, но глаза его, большие, серо-голубые, были попрежнему печальны.

МАЛЕНЬКИЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР

Валериану было четырнадцать лет, когда он выполнил первое задание партии.

Однажды в воинской команде отца были разбросаны прокламации.

Откуда они появились? Кто посмел?

Отгадать было нетрудно: каждая прокламация была свернута в трубочку и, чтобы не развертывалась, перевязана гарусом. Тем самым гарусом, который был только у мамы, и весь город его знал.

Маленький революционер плохо знал секреты подпольной работы.

За обедом отец был мрачен.

Воля все время сидел, опустив голову над тарелкой.

— Это ты? — стараясь не смотреть на Волю, спросил отец.

— Да, я, — тихо, но твердо ответил Воля.

Отец, шумно отодвинув стул, бросил салфетку и ушел из-за стола.

Обед прекратился, никто не мог есть. Мы поняли: произошло что-то серьезное.

Теперь было ясно, почему часто, несмотря на непогоду и позднее время, мальчики, даже и младшие, уходили из дому, нарушая строгие мамины правила.

Я помню, как Воля и Миша стояли в наказание в углу за то, что поздно пришли домой, а мы, младшие, тайком таскали им конфеты и пирожки.

Оказалось, что Воля, под видом игры в «Суворова», устроил в горах крепость для запрещенной революционной литературы.

Его «суворовское» войско было воспитано в строгой дисциплине, и никто никогда не выдал места крепости и не похитил того, что в ней хранилось.

Приезжая из старших классов корпуса домой, Воля вел себя серьезно, к нам относился с нежностью и ласково, но уже редко устраивал игры. Он много читал, уединяясь в глухом уголке сада.

В кадетском корпусе Воля не мог найти себе товарища и был очень одинок, тем более что в

старших классах он уже был связан с революционной организацией.

В Омске жила старшая сестра Надежда. Она окончила гимназию и осталась в Омске, чтобы готовиться в университет. Жила она уроками. Снимала с подругой маленькую квартирку на тихой, глухой улице. Я помню, что эта квартирка выходила окнами во двор, а с улицы домик походил на сарай с маленьким слуховым окошечком.

В этой квартирке происходили собрания революционной молодежи. Сюда приходили опытные революционеры, учили, как нужно выступать перед рабочими на собраниях, на митингах. Из этой квартирки, как из школы, вышло много прекрасных ораторов и докладчиков. В этой квартирке была некоторое время тайная типография. В ней работали сестра и ее подруга. Они выпускали прокламации, воззвания, которые потом распространялись среди рабочих и солдат.

Каждый отпускной день, когда Валериана из корпуса отпускали к бабушке, он шел в эту квартирку, к сестре, а оттуда отправлялся, не переодеваясь, в своем военном мундирчике кадетского корпуса, на рабочие собрания.

Первое время к нему относились недоверчиво и потому, что он был почти мальчик, и потому, что он был в мундире кадетского корпуса. Но с каждым разом Валериан завоевывал к себе все больше и больше симпатии и доверия.

Дома и в корпусе Воле приходилось быть осторожным, чтобы не выдать своей принадлежности к революционной организации.

Разве мог Воля рассказать своим одноклассникам, что он уже посещает рабочие собрания, что он ведет политические кружки среди рабочей молодежи, что он разбрасывает прокламации в солдатских казармах и среди рабочих-железнодорожников, что он состоит членом большевистской партии?

Большинство кадет было настроено против революционеров. Им внушали дома и в корпусе любовь к царю. Они, как и их родители, были ярыми защитниками царя-монарха и называли себя монархистами.

В январе 1905 года в Петербурге произошло событие, весть о котором прокатилась по всей России.

Рабочие Петербурга, измученные тяжелой жизнью, собрались большой толпой и пошли к царю просить о том, чтобы он помог им.

Они шли со своими женами и детьми, несли иконы и портреты царя. Они не были вооружены. Им хотелось показать царю, что они мирно настроены и идут просить его милости...

Но царь даже не выслушал жалоб рабочих. Он приказал своим войскам стрелять в мирно идущий, невооруженный народ. Много было убитых и раненых.

По всем городам, селам, деревням и местечкам разнеслась весть о жестокой царской рас-

праве с рабочими Петербурга. Миллионы людей написали свои протесты и послали их царю.

Валериан тоже написал протест. Услышав, как два кадета высказывались вслух против расстрела, он обратился к ним, чтобы они тоже подписали протест. Они подписали. Листок с протестом пошел по рукам всех кадет. Один кадет, ярый монархист, подошел к Валериану и сказал, чтобы он не позорил корпуса и разорвал протест.

Воля действовал открыто и твердо. Он сказал, что протеста не порвет и отказываться от своих слов не будет.

— Тогда мы с тобой будем говорить иначе! — пригрозил ему монархист.

Начали совещаться. Собрались в спальне, куда не пустили Валериана. Он сидел одиноко в классе в ожидании приговора. Много за это время передумал, переволновался шестнадцатилетний революционер-подпольщик, но твердо решил держаться и не уступать.

Шумная толпа кадет окружила Валериана и потребовала, чтобы он отказался от протеста и разорвал его. Воля стоял на своем:

— И не подумаю рвать и отказываться!..

— Бойкот, бойкот! Мы объявляем тебе бойкот! — выли вокруг него монархисты.

Валериан не сдался. Протест с его одинокой подписью был послан в Питер. Два других товарища, испугавшись расправы, сняли свои подписи.

Корпусное начальство, конечно, всполошилось. У Валериана был произведен обыск. Нашли запрещенные книги. Начались разговоры, допросы. И только то, что Валериан был первым учеником, и то, что не была доказана принадлежность его к революционной организации, и, конечно, вмешательство отца спасли Валериана от исключения из корпуса, а может быть, и от ареста.

С трудом закончил Валериан Владимирович кадетский корпус. Трудно было ему, уже работавшему в партии, подчиняться корпусной дисциплине.

Учился он отлично, но по закону божьему отказывался отвечать, вел споры со священником. Его хотели выпустить из корпуса без отметки по закону божьему, — с таким аттестатом никуда нельзя было поступить учиться.

И только потому, что у него по всем предметам были отличные отметки, ему натянули переводной балл по закону божьему.

У родителей не было средств дать сыну высшее образование, и они советовали ему поступить в военное училище, где обучали бесплатно.

Но Валериан наотрез отказался:

— Я в военное училище не пойду. Я не хочу и не могу быть офицером. Не могу по своим убеждениям... Неужели вы этого не понимаете, мама?

— Какие у тебя могут быть убеждения! Ты

мальчик, тебе семнадцать лет. Потом будешь жалеть и меня же обвинять, что не настояла на своем.

Мама начинала сердиться и нервничать.

Воля замолкал, а через некоторое время разговор возобновлялся:

— Мамочка, я знаю, что у вас лишних денег нет. Я буду зарабатывать уроками.

— Будешь бегать по всему Петербургу в поисках уроков, будешь голодать. А в военном училище тепло, уютно, хорошо кормят.

Ласковые просьбы Валериана сменялись угрозами все равно уйти из военного училища.

Отца в это время в Кокчетаве не было: он лечился в Петербурге после ранения на войне с японцами.

Мама со слезами писала ему большие письма, советовалась, просила повлиять на Валериана и наконец все же принуждена была подать директору кадетского корпуса прошение об освобождении ее сына вследствие слабого здоровья от учения в военном училище. Мать просила определить его в Военно-медицинскую академию на казенный счет.

В просьбе матери было отказано. «Куйбышев обладает достаточным здоровьем, — ответил директор, — и подлежит переводу из кадетского корпуса в Павловское военное училище».

В это время в Кокчетав возвратился из Петербурга отец. Родители снова принялись уговаривать Валериана.

Но Валериан остался тверд в своем решении:

— В военное училище не пойду. Офицером не буду.

В конце концов, после долгих споров, отец уступил. Он сказал матери:

— Согласимся давай? А? Пусть мальчик учится, где он хочет... Средства найдем. Вот брошу курить, — нерешительно говорил отец, — экономия будет, пошлем ему несколько десятков рублей... А там урок найдет... Пусть к самостоятельности привыкает. Видишь, какой он у нас настойчивый и серьезный... Ну, так решено?

Через несколько дней отец шлет прошение:

«Желая определить сына, В. Куйбышева, в Военно-медицинскую академию, прошу распоряжения об исключении его из числа воспитанников корпуса и выдаче мне его документов, а также аттестата об окончании им корпуса».

Так Валериан вырвался из военного училища.

Осенью он поехал в Петербург и поступил в академию.

В это время Валериан Владимирович уже активно работает в большевистской организации и принимает участие в революционных событиях 1905 года в Петербурге. Он выполняет ряд боевых поручений партии, организует доставку и хранение оружия.

В декабре 1905 года в Москве произошло вооруженное восстание. Петербургская партийная организация помогала в подготовке этого

восстания. Из Петербурга в Москву пересылались оружие, литература.

Валериан много нам рассказывал о своей опасной работе по перевозке оружия с Финляндского вокзала на нелегальный склад.

Обвешанный бомбами и наганами, он казался пополневшим в своей студенческой шинели; кроме того, тяжелые чемоданы тоже были наполнены оружием. С этой поклажей он брал извозчика и ехал через весь город, рискуя попасть в лапы полиции.

К нему на квартиру приходили товарищи-рабочие за нелегальной литературой. Хозяйка и не подозревала, что ее молодой жилец ведет такую опасную политическую работу.

Но, занимаясь большой партийной работой, Валериан не переставал учиться в Военно-медицинской академии. Жить было трудно. Приходилось бегать по городу, давать грошовые уроки. Валериан быстро проходит курс массажа, сдает экзамен и начинает искать практику по массажу. Конечно, новоиспеченный массажист не мог рассчитывать на большой заработок. И вот Валериан бегает по массажам, по урокам, чтобы только сдержать слово и не просить у родителей денег.

Но зато сколько было у него радости, когда из дому приходила посылка с продуктами и лакомствами!

— Устроим пир, — говорил он своим близким товарищам.

Посылка, которая была рассчитана по крайней мере на неделю, исчезала в один день. Валериан и его товарищи ходили в этот день сытые, довольные, праздничные.

Скоро в академии вспыхнула забастовка. В ней принимал участие и Валериан. Все бастующие были исключены из академии.

Оставаться в Петербурге было нельзя. Полиция охотилась за «бунтовщиками».

Но никакие трудности не могли заставить Валериана прекратить революционную работу.

Валериан поехал в Омск, где у него была крепкая связь с партийной организацией.

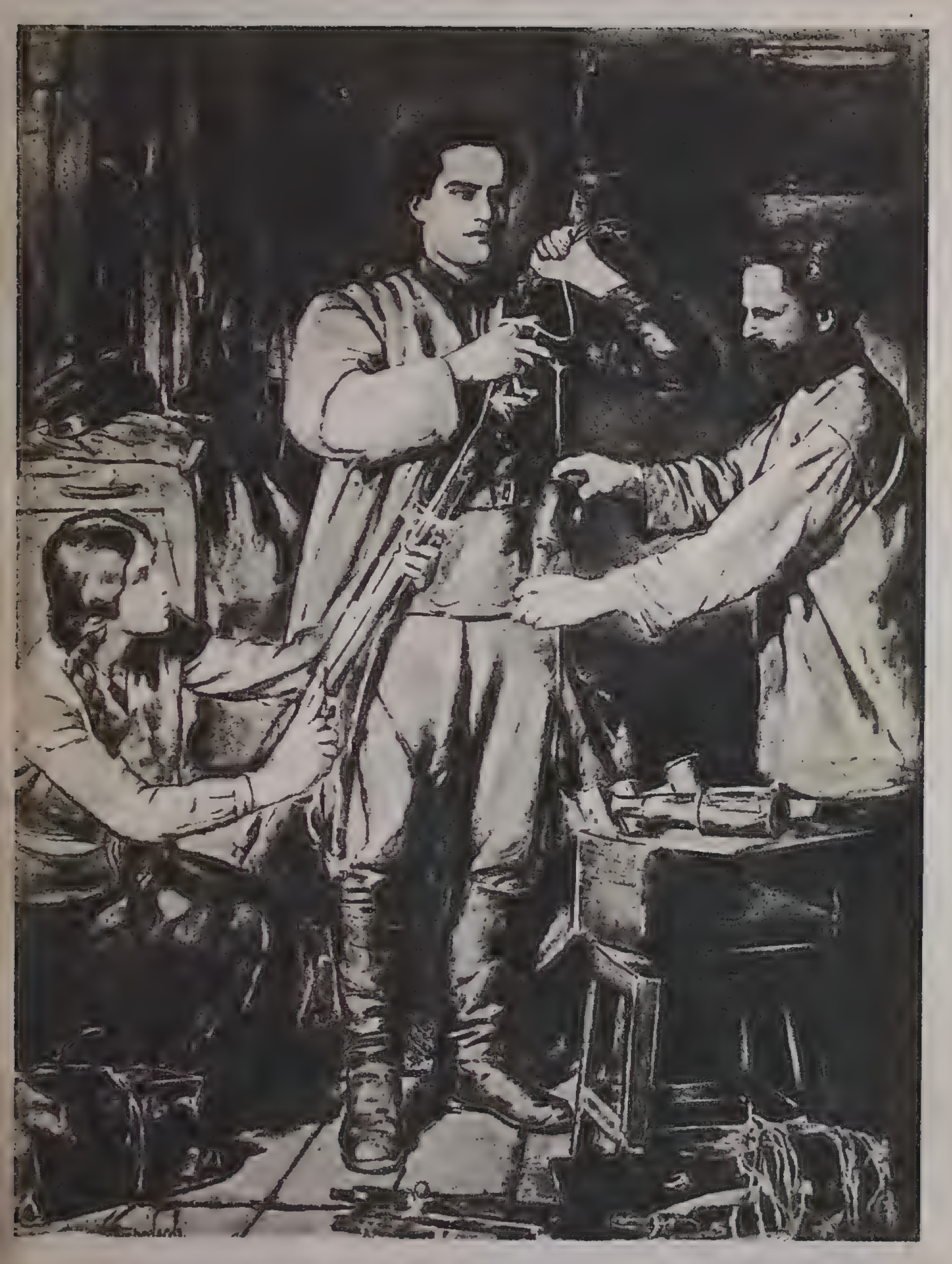
Валериан Владимирович был представителем того поколения большевиков, которое в те годы во всех концах нашей страны росло и закалялось под руководством Ленина и Сталина.

ПЕРВЫЙ АРЕСТ

Это было в 1906 году. Валериан Владимирович был тогда членом Омского комитета партии большевиков.

Из областного комитета сообщили: надо послать делегата на общегородскую конференцию (совещание). А общегородская конференция должна была уже выбрать делегата на пятый партийный съезд. Съезд состоялся в 1907 году в Лондоне.

В то время как происходила общегородская

В. В. Куйбышев в петербургской большевистской организации в 1905 году. Переноска оружия.

(С картины художника Стреблова.)

конференция, вбежал товарищ и предупредил, что дом окружен полицией и казаками.

И правда, не успели еще скрыть все следы проходившей конференции, как вломилась полиция, а за ней и казаки.

— Руки вверх! Будем стрелять!

Арестовали тридцать восемь человек; не обыскивая, вывели на улицу и под охраной полиции и казаков отвели в участок, а оттуда в тюрьму.

Среди арестованных были два товарища, которые уже не в первый раз подвергались аресту, остальные почти все — молодежь.

Всех арестованных посадили в одну камеру, и они стали обдумывать, как им вести себя при допросе и на суде.

Решили, что будут отвечать одной и той же фразой:

— Я представителям царского суда никаких показаний давать не буду.

Так и отвечали.

Оказывается, исправнику было донесено, что в квартире собралась вооруженная организация подпольщиков. Посылая полицию и казаков, исправник ожидал сильного сопротивления. Но арест прошел быстро, и военный суд отказывался вести дело, не найдя в нем попытки к вооруженному нападению. Полиция настаивала.

Содержались все арестованные сравнительно свободно. На свидания к ним приходили не только родные, но и друзья, которые передавали им сведения о работе организации.

Однажды даже удалось в комнате, где происходило свидание, провести выборы делегата, которого не успели выбрать на общегородской конференции.

Я помню большую комнату, где происходили свидания. Было очень шумно и весело, — совсем не похоже, что здесь происходит свидание с заключенными. Воля тоже был очень весел, много шутил и знакомил нас со своими товарищами.

Все же, идя домой, я и моя сестра Женя горько плакали и послали домой телеграмму: «Воля предан военно-полевому суду».

Военно-полевой суд редко миловал. Его расправа была короткая — расстрел.

Отец, получив телеграмму, спешно приехал в Омск.

Сказали брату, что его на свидание вызывает отец. Он думал: сейчас начнутся упреки, слезы, увещевания. И решил итти на всё, даже на разрыв с семьей. И каково же было его удивление, когда вместо упреков отец бросился к нему с радостными восклицаниями:

— Как я рад, как я рад!..

Валериан недоумевал, не понимая, чему рад отец. Оказалось, что отец только в Омске узнал о том, что телеграмма была неверно составлена: суд был военный, но не полевой.

Настал день суда. Все тридцать восемь человек стойко держали себя на допросе и на суде. По опросу свидетелей арестованные поняли, что

при обыске ничего не найдено, кроме печати организации, резолюции конференции и прокламаций.

Дали слово подсудимым. Один из них спросил у околоточного, куда пропали десять рублей и брюки товарища, которые были в квартире, где произошел арест.

Полиция возмущена этим вопросом, а суд настаивает на ответе. Оказалось, что деньги и брюки переходили из рук в руки и наконец... исчезли.

Оглушительный хохот на скамье подсудимых...

Потом выяснилось, что из оружия при обыске был найден... перочинный ножик.

Опять хохот. Вот так вооруженное нападение!..

Слово взял один из подсудимых, — он выдавал себя за портного.

Он выступил с обличительной речью против полиции, указывал на то, что обыск в доме, где собрались они, происходил без свидетелей, высказывал подозрение, что все, что было найдено при обыске, было подброшено самой полицией.

Он очень хорошо говорил. Суд с напряженным вниманием слушал его. Брат говорил, что никогда он не слышал такого оратора. Недаром его партийная кличка была «Марат», по имени французского революционера Марата, замечательного оратора.

Суд удалился на совещание.

Здание омской тюрьмы. Полукруглое окно — камера, в которой был заключен В. В. Куйбышев в 1906—1907 годах.

В комнату, где были все арестованные, вошел рокурор, спросил «Марата», правда ли, что он ортной, и был удивлен, когда получил утвердительный ответ. Он сказал, что за всю свою олголетнюю практику не слышал такого оратора...

Вместо ожидаемого приговора — по крайней ере четыре года каторги — суд неожиданно ля всех решил: год тюремного заключения!

Возвратился из суда в тюремную камеру Валериан страшно огорченным.

— Уж или полная свобода, или каторга, а то друг — год тюремного заключения...

— Молодость, молодость говорит в тебе! — меялись над ним товарищи.

После тюрьмы Валериан поехал в Каинск, где отец был воинским начальником. Валериану в это время было восемнадцать лет.

Отец после японской войны имел чин подполковника и был переведен из Кокчетава сначала в Кузнецк на Алтае, а потом в Каинск, Томской губернии.

Валериан никогда ничего нам не рассказывал о своей революционной работе, хотя очень хорошо относился к нам и мог бы сделать из нас и помощников и единомышленников.

Мы знали, что Воля не верит в бога и не признает царя, но не знали, нужна ли ему наша помощь. В семье у нас Воля пользовался большим уважением.

АРЕСТЫ, ТЮРЬМЫ И ССЫЛКИ

Живя в Каинске, Воля нашел себе там много товарищей среди политических ссыльных.

У нас в доме часто устраивались вечера, читали, много спорили, пели хором революционные песни.

Мама страшно нервничала, закрывала окна и уверяла, что жандарм целый вечер ходил у нашего дома.

Ведь на самом деле странно, что в квартире воинского начальника, у подполковника, собираются политические ссыльные, да еще поют революционные песни.

Камера в омской тюрьме, в которой был заключен В. В. Куйбышев в 1906—1907 годах.

Помню, как-то я возвращалась домой из гим-
зии.

Подойдя к нашему дому, я увидела, что он
еплен полицией. Меня пропустили. В доме был
касный беспорядок, какой может быть толь-
после обыска. Воля стоял, прислонившись к
шетке окна в папиной комнате (решетка бы-
сделана, чтобы можно было спать с откры-
м окном), — вся его поза говорила: опять за
шетку!

Волю увели.

Обыск продолжался. Жандармы пошли в ам-
р. Я пошла за ними. В амбаре стояли корзины

с книгами папиной библиотеки, а высоко на балках, у самой крыши, две корзины с Волиными книгами. Жандармы стали рыться в книгах. Книги были пыльные, и жандармы ворчали, стряхивали с себя пыль, чистились и продолжали опять искать.

Наконец они заметили Волины корзины. Я сказала, что эти корзины принадлежат управлению, в котором служил отец. Присутствовавший здесь писарь подтвердил, что там архив управления воинского начальника, а я добавила, что притом же он страшно пыльный.

Нам поверили. Жандармы ушли.

Ночью мы принялись с мамой сжигать Волины книги. Я таскала их в дом, а мама сидела возле ярко горящей печки и кочергой мешала пылающую бумагу, чтобы она скорее прогорела.

Выбегая за новыми книгами, я смотрела на трубу, не летит ли бумажный пепел, по которому, мама опасалась, жандармы могли узнать, что мы сжигаем запрещенную литературу.

Свидание в тюрьме с Волей было через две решетки, между решетками шагал жандарм, но мне все-таки удалось сказать Воле, что мы с мамой сожгли книги.

Каково же было мое удивление, когда вместо радости я увидела досаду и огорчение на лице брата.

— Что вы наделали! Я с таким трудом собирал эти книги...

Идя из тюрьмы, я была очень расстроена: я

понимала, почему огорчился брат. Мы не спа- всю ночь, сжигали книги, чтобы жандармы чего не могли найти, а Воля недоволен... Почему?

Помню, как опять Воля жил у нас в Каинске, нему приходили политические ссыльные, он ıл всегда окружен товарищами, друзьями, на этот раз Воля сильно нервничал. Я это дела, когда он занимался со мной по математике, когда он начинал спорить с мамой о чем-будь.

Однажды Воля исчез.

Мать страшно волновалась, отец, конечно, же. Только через несколько дней после исчезновения Воли была найдена его записка: она пала из-за картины.

Воля писал, что он не может больше остаться в Каинске, что его долг быть с товарищами по работе, просил не беспокоиться о нем...

Воля в это время был уже в Петербурге.

Потом мы узнали, что о побеге брата отец ал — он даже помог ему бежать. Записка дол- не находилась потому, что отец в волнении был сам, куда ее спрятал.

Это было в 1908 году. Приехав из Каинска в етербург с паспортом на имя Андрея Степанова Соколова, Валериан стал искать связи с организацией. Это было нелегко, — незадолго его приезда произошел разгром большевистской организации.

Неласково встретил Петербург Волю: трудно

было найти уроки. Чтобы как-нибудь прожить, пришлось искать другого заработка.

Случайно нашлась работа на песчаном карьере — сбрасывать лопатой песок.

Как-то раз, гуляя в свободный от работы день по взморью, Валериан встретил своего партийного товарища из сибирской организации.

Они не знали настоящих имен друг друга: каждому приходилось несколько раз менять свои имена.

— Как тебя теперь зовут? — спрашивает товарищ и, услышав, что Андреем, сообщает, что он тоже Андрей, а по отчеству — Степанович.

— Степанович и я! — восклицает брат.

— Фамилия? — уже с тревогой спрашивает приятель.

— Соколов.

— Какой губернии?

— Новгородской, Череповецкого уезда.

— Где же ты взял мой паспорт? — изумляется Соколов.

Брат получил этот паспорт, проезжая через Челябинск.

— Да я его оставил в Челябинске, уезжая в ссылку в Оренбургскую губернию, а теперь, после того как отбыл наказание, получил здесь уже новый паспорт.

Соколов приехал в Петербург несколько дней назад, но еще не прописывался, и поэтому в полиции не обнаружили двух одинаковых паспортов.

Нужно было придумать, как поступить.

Оставаться в Петербурге нельзя — арест обеспечен.

Паспорт имеет право носить настоящий Соколов, следовательно придумывать должен Валериан.

Посоветовавшись с товарищами, Валериан решил ехать за границу.

Для этого необходимо взять из участка справку о том, что он под судом не находится, — в этом может помочь дворник. За пять рублей дворник взялся достать эту справку. И на следующий день брат имел заграничный паспорт.

Нужно было очень торопиться, иначе в полицию поступит паспорт другого Соколова, и все потеряно.

В сильном волнении ждет Валериан момента, когда рано утром он сядет в поезд, чтобы покинуть Петербург.

Мечтал вздохнуть свободно, познакомиться с Владимиром Ильичем Лениным, который жил в то время за границей, получить указания Центрального комитета партии и опять вернуться в Россию.

Он страшно волновался, беспрестанно курил, решил не спать всю ночь, уложил чемодан, связал подушку и одеяло и, утомившись ходить из угла в угол по комнате, ложился, но скоро опять вскакивал.

Среди ночи вбегает товарищ.

Он был так взволнован, что не обратил вни-

мания на связанные вещи, на чемодан, стоящий посредине комнаты.

— Что с тобой?

Оказывается, одному товарищу грозит смертная казнь за участие в московском вооруженном восстании 1905 года. Его нужно немедленно отправить за границу, а паспорта достать не могут...

Не колеблясь, не задумываясь, Валериан достает из кармана заграничный паспорт и отдает товарищу.

Раз дело идет о смертной казни, колебаний не может быть — товарища надо спасти.

Трудно описать радость товарища, увидавшего в своих руках заграничный паспорт. Он стрелой выбежал из комнаты, чтобы скорее отправить смертника за границу с тем поездом, который должен был увезти Валериана Владимировича.

А Валериану пришлось несколько дней пробыть у товарища, потом опять — арест и возвращение в каинскую ссылку.

С большим волнением я часто вспоминаю, как мы получили телеграмму: Воля этапом едет через Каинск. Просит встретить. Он эту телеграмму послал случайно, выбросив ее без денег стоящему на станции человеку. Человек поднял бумажку и послал телеграмму.

Мама, Надя и я поехали на вокзал. Вот пришел поезд. Бежим к вагону. В решетке окна — Воля. Он радостно улыбается нам, уговаривает

маму, чтобы она не плакала, ободряет ее, говорит, что уж не так ему плохо. Конвоир одергивает его, Валериан не обращает внимания, разговаривает с нами. Опять замечание конвоира, и, когда поезд трогается, мы видим бледное лицо Воли и рукоятку шашки конвоира... Надя с плачем бежит по перрону, мама еле держится на ногах, а поезд уже далеко от станции...

— Зачем я сюда приехала? Что сделают с ним? — всю дорогу сквозь слезы твердила мама.

Когда Валериан жил у нас, он никогда не рассказывал, что его били в тюрьме, — он не хотел, видимо, огорчать родных.

Уже совсем недавно, вспоминая случай в поезде, он рассказал, что его тогда жестоко избил конвоир и надел на него кандалы.

Первые аресты трудно переносил Валериан. Хотя его письма и были бодрыми, но в каждой строчке чувствовалась грусть по свободе.

Валериан писал из омской тюрьмы:

Замолчи, мое сердце, не думай о воле,
О задумчивом лесе, о солнечном поле.
Слышишь, в камеру входят, грохочут ключи?
Скрой же слабость мечтаний, будь го́рдо в неволе.
Замолчи...

Когда приходило письмо с вестью о том, что Воля идет в ссылку, все облегченно вздыхали. Тяжело было представить нам Волю за решеткой, а ужаса этапов и ссылки мы себе не представляли и радовались, что Валериан не в тюрьме.

После каждого нового ареста мама печально говорила:

— Воля опять «наделал делов»... — и безнадежно махала рукой.

Это значило, что Воля опять в тюрьме.

Из Каинска отец был переведен в Тюмень. В этот же год он умер.

Воля не успел приехать на похороны. Он очень тяжело переживал смерть отца.

На могиле отца лежит чугунная плита, на которой написано:

«Дорогому мужу и любимому отцу. Дети тебя никогда не забудут и будут такими же честными тружениками, каким был ты. В этом твоя награда».

Мама эту надпись согласовала с Валерианом. Он одобрил ее.

Воля любил отца. Он знал, что отец хорошо относился к солдатам. Подчиненные и солдаты одобрительно отзывались о нем. Другую работу отец вести не мог: не был приучен к другому труду.

Валериан знал, что отец туго подвигается в чинах только потому, что у него сын революционер; он знал, что отец подвергался наказаниям за это.

Валериан рассказывал нам про встречу с отцом в Петербурге.

Брат жил по чужому паспорту в бедном квартале Петербурга, на чердаке. Однажды, придя домой, он застал у себя отца. Странно было

В. В. Куйбышев в томской тюрьме (1909 год).

видеть подполковника в мундире, с орденами — на чердаке. Воля стал уговаривать отца пойти гостиницу и снять номер.

Отец протестовал. Валериан доказывал ему что неловко жить у человека, за которым сле дит полиция, да еще подполковнику, да еще н чердаке.

Ничего не помогало. Отец твердил:

— Если ты, мой сын, живешь тут, пожив и я...

Воля часто рассказывал об этом случае всегда подчеркивал:

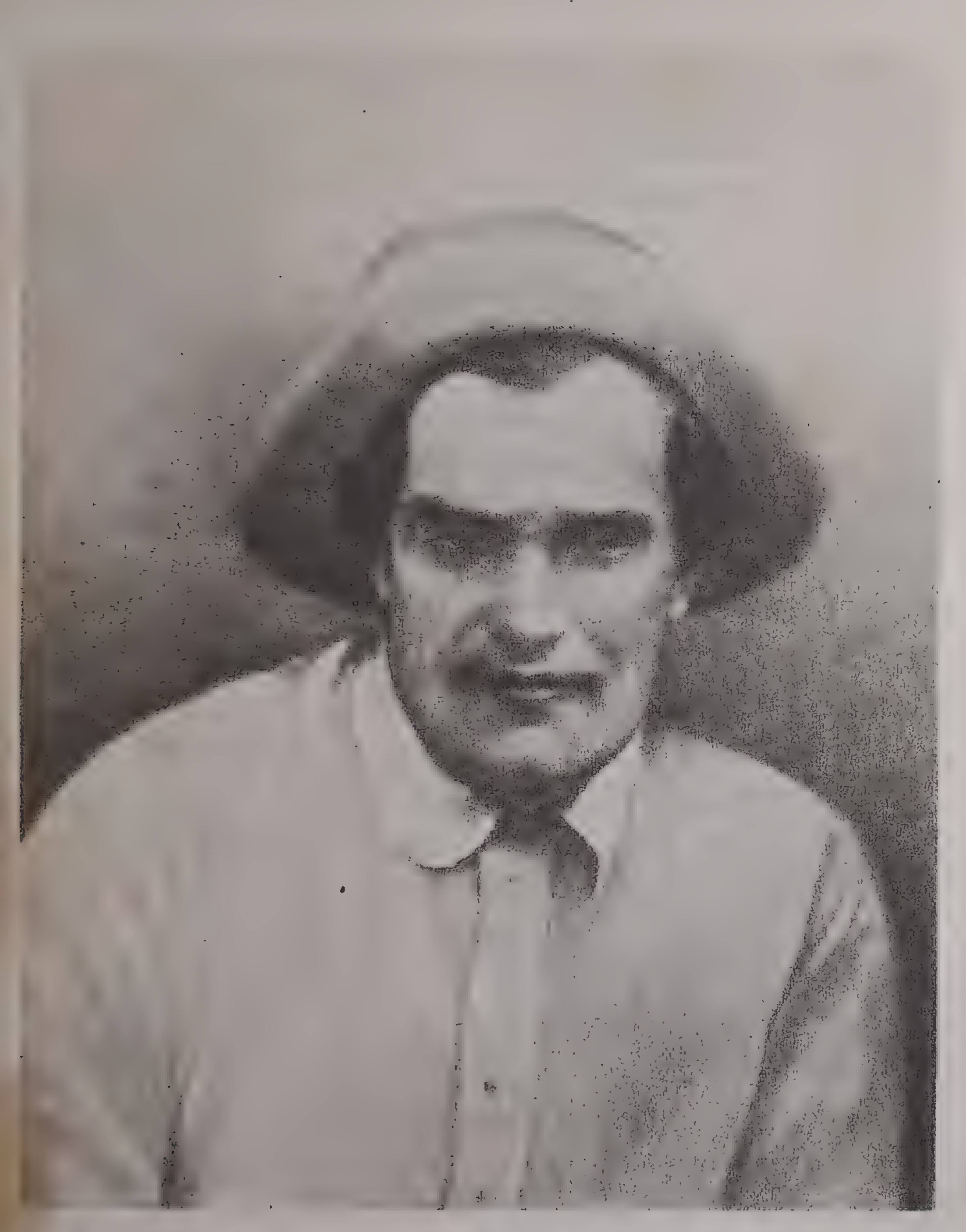
— Подполковник — и вдруг на чердаке!

В 1913 году я учительствовала в Тамбовско губернии, в селе Лысые Горы. Мама и две сес ры — Маруся и Галя — жили летом у меня в се ле. К нам приехал Воля. На нем была ярка красная рубаха, на голове — студенческая фу ражка.

Помню, что Воля приехал в рваных ботин ках. Денег у нас, конечно, было очень мало. Ма ма получала маленькую пенсию после смерт отца, а я — маленькое жалованье. Другие дв сестры еще не работали.

На покупку новых ботинок не было денег пришлось отдать чинить старые, а Воля в эт время ходил в лаптях.

Красная рубаха, длинные вьющиеся волось спускающиеся почти до плеч, студенческая фу ражка и, в довершение всего, лапти. Портре замечательный!

В. В. Куйбышев в нарымской ссылке в 1910—1912 годах.

Но Волю это мало огорчало и смущало. В селе нашлись у него друзья. Компания собралась веселая. Гуляли по окрестным лесам и оврагам. Воля опять был душой общества, его все очень полюбили.

Но странный вид Валериана все же смутил покой пристава, и при встрече со мной он попросил, правда, очень вежливо, уговорить брата надеть другую рубашку и снять лапти.

— Смущает он всех...

Нас, конечно, это нисколько не испугало, да к тому же и ботинки были уже готовы.

Поехали мы с Волей в город: я получила жалованье. Пошли в магазин, купили новые ботинки, фуражку и, чему особенно был рад Воля, черную накидку.

В то время многие носили летом не пальто, а накидки.

Воля был рад этой покупке, все время рассматривал ее, поглядывал на свое отражение в каждом окне магазина...

— Кутить, так кутить! — решили мы и зашли в столовую пообедать.

Сидим, обедаем. А Воля все как-то неспокоен.

— Что ты?

— Нет, ничего...

Через несколько минут опять чувствуется, что он волнуется.

Оказывается, он боялся, что кто-нибудь стащит из передней его накидку.

Мы много смеялись над его опасением; он тоже смеялся, но объяснил причину: у него так давно не было новой вещи, купленной по вкусу, что ему очень жаль потерять ее.

Вскоре Валериан уехал в Петербург; потом ему пришлось уехать в Вологду, а оттуда в Харьков.

В Харькове он провел первомайскую демонстрацию, был замечен полицией, почувствовал за собой слежку и поспешил опять в Петербург.

В Петербурге он устроился работать в рессорную мастерскую Мохова.

Работая в рессорной мастерской, Валериан вел партийную работу на заводах «Треугольник» и «Путиловец» и на многих других заводах.

Шла война. Большевики вели агитацию против войны. В рабочих кружках, среди солдат Петербурга Валериан вел работу большевика-агитатора. Летом 1915 года Валериан был выслежен полицией и арестован на улице. В тюрьме, куда привели Валериана, было уже много товарищей, арестованных за антивоенную работу.

Валериан собирал около себя новичков, которые первый раз сели в тюрьму, и проводил с ними занятия по истории партии, разъясняя предательскую роль меньшевиков, которые старались доказать, что война должна продолжаться до победного конца, что революцию рано делать.

В тюрьму приводили все новых и новых арестованных. Через них узнавали, что возмущение

рабочих и солдат растет, что забастовки вспыхивают то в одном городе, то в другом.

На прогулках во дворе Валериан сиял радостью и сообщал всем товарищам, что революция близка, что большевики победят.

— Он зажигал нас всех верой в победу. Тюрьма казалась уж не такой ужасной, так ка все чувствовали, что это временно, что скоро скоро наступит свобода,— рассказывал товарищ, сидевший в то время вместе с Валериано в тюрьме.

Из Петербурга Валериан был выслан этапо в Иркутскую губернию, в село Тутуры, на тр года.

Арестованных из тюрьмы привели на вокза и посадили в последний вагон. Вагон был зеленого цвета, с решетками на окнах.

Собралась большая толпа провожающих. И разгоняли солдаты, держа наперевес винтовк со штыками. Но, несмотря ни на какие опасности и затруднения, провожавшим удалось передать заключенным деньги и продукты.

До Красноярска арестованные находилис все вместе, свободно ходили по вагону, делились продуктами, беседовали. В Красноярск новый конвой был суровый. Заключенных расадили, запретили разговаривать, а к женщина стали особенно придираться, даже грозили прикладами.

Валериан, возмущенный новыми порядками а особенно таким обращением с женщинами, ста

вести переговоры с конвойными. К нему присоединились остальные заключенные, поднялся настоящий бунт. Конвою пришлось сдаться и изменить свое обращение с заключенными.

В Иркутске всех посадили в тюрьму. Как только Валериан вошел в камеру, ему захотелось посмотреть, куда выходит окно.

— Отойдите от окна, здесь стоять не разрешается. Стрелять будут! — предупредил Валериана сидевший в камере заключенный.

Режим в тюрьме был ужасный. Не разрешали читать, громко разговаривать, петь. Кормили плохо: частенько в супе попадались черви.

Из иркутской тюрьмы пришлось итти пешком до места ссылки — это триста пятьдесят верст!

Был конец ноября. Стояла странная для Иркутской губернии осень: морозные дни сменялись дождями с холодными, пронизывающими ветрами.

Дорога по Иркутскому тракту то покрывалась кочковатой ледяной коркой, то от сильных дождей превращалась в вязкую грязь. В том и другом случае было трудно передвигаться, не спотыкаясь или не увязая в глубокой грязи. Отставать было нельзя — солдаты грозили отставшим прикладами. А привал для отдыха через двадцать пять — тридцать пять верст.

По четыре человека в ряд, скованные кандалами, шагали ссыльные.

Валериан шел бодро, поддерживая под руку

своего соседа. Чтобы легче было итти, многие вполголоса напевали революционные марши или печальные сибирские песни каторжников. Громко петь не позволяли — тоже грозили прикладами.

— Зачем поют печальные песни? Хорошо бы спеть веселую, бодрую, — сказал Валериан своему соседу.

Гей, друзья! Вновь жизнь вскипает.
Слышны всплески здесь и там.
Буря, буря наступает,
С нею радость мчится к нам.
Радость жизни, радость битвы
Пусть умчит унынья след.
Прочь же робкие молитвы!
Им уж в сердце места нет.

Эту песню запел тихо, робким голосом один молодой ссыльный.

Валериан поворачивается к нему, удивленный, и весело улыбается:

— Откуда ты знаешь мое стихотворение?

— Его знают многие из нашей молодежи. Оно распространялось между нами, выучивалось. А я вот на музыку положил его. Ведь вам хочется слышать веселую, бодрую песню!

В 1916 году я жила в Тамбове.

Мне сказали, что меня кто-то спрашивает.

Иду. Валериан! Я бросаюсь к нему. Он, целуя меня, шепчет:

— Я — Адамчик. Вот моя жена.

В. В. Куйбышев в Самаре (1916 год).

Воля с женой бежали из иркутской ссылки в Самару и приехали в Тамбов, чтобы повидаться с родными.

Несколько часов только побыл Воля у меня. Ему нельзя было задерживаться. Он был очень ласков со мной, смеялся над моей дочкой, сидевшей в ванночке, и говорил, что у него тоже скоро будет ребенок.

В Самаре брат стал работать на трубочном заводе, но скоро он и его жена были арестованы.

Брат пошел в ссылку в Туруханский край.

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП

Уходя в Туруханский край, Воля написал стихотворение к своим друзьям:

Мы в путь пошли под звуки кандалов,
Но мысль бодра, и дух наш вне оков,
Когда увидели мы лица дорогие,
Заботы милые, улыбки молодые,
Веселый смех и ласку милых слов.

Конвоир, сопровождавший арестованных, обратился с просьбой, чтобы кто-нибудь занимался с ним по математике.

Посоветовавшись с товарищами, Валериан согласился, за что конвоир делал ссыльным некоторые уступки.

Этап был очень трудный. Зима, метель. Многие обмораживались и заболевали. Каждый день делали по двадцать-тридцать верст, потом отды-

хали в этапном пункте, где-нибудь на краю села, и опять в путь.

Однажды на остановке, когда брат еще не успел отдохнуть и согреться, конвоир прислал за ним.

Брат сказал, что согреется, поест и придет.

Конвоир опять присылает. Брат возмутился: «Что, я нанимался, что ли?» — и пошел, чтобы отказаться от занятий.

По лицу конвоира он понял, что его позвали не за этим. В дрожащих руках конвоира была бумажка, которую тот силился прочесть.

— Вот прочтите и объясните...

Это была телеграмма о свержении царя.

— Подождите, подождите! Куда вы? Объясните!

— Что же здесь объяснять — мы свободны!

Всех охватила буйная радость. Не верится... Телеграмма переходит от одного товарища к другому... Смех, радостные объятия, пение...

В комнату пришли солдаты, — они не мешают петь, стоят и слушают.

Но конвоир в ужасе. Он не хочет отпустить арестованных на волю. Это, может быть, прокламация... Он служил царю, другой власти тоже будет служить — ему все равно, но он должен проверить этот слух в селе, где есть волостное управление. И, если ссыльные будут пытаться освободиться, он пустит в ход оружие.

Печально! Но не хочется умирать накануне свободы, а от пули конвоира может погибнуть

кто-нибудь, если ему сопротивляться. Пошли по морозу, вьюге. Правда, было веселее на душе, легче итти, но все же этап, все-таки под конвоем. Еще три дня...

За две версты до села Казаченского этап арестованных встретили ссыльные, уже свободные, с красными знаменами и с пением революционных песен.

Но конвоир упрямо твердит, что при попытке к освобождению он будет стрелять.

Конвоир запирает всех на большой замок в этапке и идет узнавать, сменилась ли на самом деле власть, или это обман.

Придя в волостное управление, конвоир увидел за столом вместо прежнего волостного старшины молодого парня с красным бантом, а над столом портрет Карла Маркса.

Конвоир с досады плюнул, бросил ключ от этапки и ушел. Запертые в этапке ссыльные сидят и ждут час, два, три... Наконец кто-то пришел, сломал запор и освободил заключенных.

Дальше путь в Самару...

В то время как Валериан шагал в Туруханский край, в самарской тюрьме, где сидела жена Валериана, родился его сын Владимир.

В апреле 1917 года Воля был опять у нас, в Тамбове.

Первым приехал к нам брат Николай. Конечно, радуемся, расспрашиваем обо всем. Разговор прерывает звонок. Бегу открывать — брат Анатолий.

В. В. Куйбышев у станка на трубозаводе в Самаре (1916 год).

(С картины художника Сварога.)

— Пятнадцать минут тому назад приеха
Николай!..

— Вот приятное совпадение! — радуется Ан
толий.

Опять объятия, расспросы, радость... Звоно
Открываю.

— Воля! А полчаса тому назад приехал Кол
а потом Толя...

— Ну? Вот и отлично, все в сборе!..

Нашу радость трудно описать. Мама торж
ствует, что все три сына у нее в гостях.

Братья ведут себя так, как будто действ
тельно только что встретились. Такое совпад
ние: Воля приехал из Самары, Анатолий —
Москвы, Николай — с фронта, и все, не сговар
ваясь, в один и тот же день, в один и тот ж
час...

— Как же мы не встретились в поезде? Н
вокзале? Даже в одной и той же гостинице ост
новились...

И только одна мелочь выдала их: у каждо
из них были носовые платки совершенно один
ковые, с тоненькой зеленой полосочкой. Я э
заметила. Такого совпадения быть не могло.

Оказывается, они все вместе ехали из Мос
вы, в одном вагоне, остановились в одной гост
нице и пошли все вместе к нам, но в дом вход
ли по очереди, через пятнадцать минут. Прид
мал эту шутку, конечно, Валериан.

В этот приезд братья были очень веселы
оживленны. К дому часто подъезжали автом

Провозглашение советской власти В. В. Куйбышевым в Самаре 8 ноября 1917 года.

(С картины художника И. Борисова.)

били, кто-то приезжал к Воле, увозили его. Квартирная хозяйка смотрела с подозрением.

Валериан рассказал нам, что Временное правительство защищает интересы капиталистов и помещиков, идет против рабочих и скоро будет переворот. Он рассказал нам о Ленине, о большевиках. Мама говорила:

— Воля опять среди недовольных... Что ему нужно? Ведь царя уже нет!

ФРОНТ

Все время, пока Валериан был руководителем большевиков Самары, мне не удавалось с ним встретиться.

О своей работе председателем Революционного комитета и об участии в создании 1-й Красной армии Валериан нам мало рассказывал.

Я, например, долгое время не знала, что Валериан сам ходил в разведки, рыл окопы и участвовал в боях. И только из рассказов товарищей, бывших с ним на фронте, я многое узнала об этом.

По всему Поволжью велись бои с чехословаками. Пришлось отступить от Самары. С Валерианом был один товарищ, который командовал сводным отрядом.

Однажды было получено сообщение, что этот отряд окружен и разбит чехами.

Жаль было и командира и весь отряд — он

В. В. Куйбышев в годы гражданской войны (1919 год).

почти целиком был из рабочих Самары и Симбирска и отличался храбростью и самоотверженностью.

Вдруг красная разведка обнаружила, что со стороны станции Майна движется большой отряд противника.

Стали готовиться к встрече врага.

Ночью вызывают Валериана Владимировича к прямому проводу со станции Майна.

Валериан решил, что разведка завладела телефоном и сообщает о движении противника.

— Здравствуйте, товарищи! — слышит Валериан по проводу чей-то голос, назвавший себя именем командира того самого отряда, который был разбит чехами.

Валериан решил, что это обман, — командир погиб, он не может говорить по проводу.

— Дорогие товарищи, я скоро буду у вас! — продолжает голос.

Валериан требует, чтобы командир чем-нибудь доказал, что это он. Тогда командир называет по именам товарищей, которые должны были быть с Валерианом Владимировичем.

— Я прорвался через силы противника... Потерял свой продовольственный отряд...

Валериан Владимирович поверил только после того, как командир сказал:

— Дорогой наш Валериан, неужели ты долго меня будешь мучить?

«Дорогой наш Валериан» — так брата звали самарские рабочие; он это знал и поэтому

В. В. Куйбышев (1925 год).

поверил. Кто из врагов мог так задушевно произнести это имя, которым самарский пролетариат звал своего руководителя?

«Радостно мы садились в бронепоезд, — рассказывал брат. — Отряд не погиб! Это его, а не неприятеля обнаружила наша разведка. Встреча была бурная и радостная. Мы обнимались, целовались, хохотали и долго не могли притти в себя!»

Оказалось, отряду удалось вырваться из кольца чехословаков с тремя тысячами бойцов, закаленных в бою, стойких. Этих бойцов враги называли «железной дивизией», — это название так и укрепилось за ними.

Валериан с гордостью говорил, что «железная дивизия» существует и сейчас, на ее двенадцати почетных знаменах записаны сорок городов, которые с отвагой и смелостью отнимала «железная дивизия» у своего врага.

Так нам рассказывал Валериан.

Он не рассказал, какую большую работу в это время он вел среди красноармейцев.

Он не рассказал нам, как ободрял бойцов в бою, как красноармейцы, видя его впереди, — веселого, бодрого, приветливого, — забывали опасность, смело шли в бой.

Обо всем этом нам рассказывали его товарищи.

В сентябре 1918 года пришла тревожная весть из Москвы: «Эсерка Каплан ранила Ленина...»

При этом известии одно чувство охватило всех — скорее, как можно скорее разбить врага!

На митинге Валериан сказал:

— Освободить родину Ильича — Симбирск— от чехов!

И скоро к больному Ленину полетела телеграмма от 1-й Красной армии, взявшей у неприятеля город Ильича:

«Дорогой Ильич! Взятие вашего родного города Симбирска — это ответ на вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!»

Скоро обещание товарищу Ленину было выполнено — отомстили за его раны взятием Самары.

Валериан назначается членом Реввоенсовета 4-й армии.

Уральские белогвардейцы под командой Колчака, Дутова и Толстова продолжают грозить молодой Советской республике.

Все силы 4-й армии направлены на этот фронт.

Куйбышев и Фрунзе все время в боях. Своим примером они воодушевляют красных бойцов. Они всегда впереди, в самых опасных местах.

— Я несколько раз видел Валериана Владимировича на передовых линиях огня, — говорит один из бойцов Чапаевской дивизии.

Другой боец рассказывает, что он видел Валериана при сооружении окопов:

— Враг наступал. Местность была не защищена. Голые степи. Нужно было спешно копать

окопы. Стали таскать мешки с песком, с углем, даже с картофелем. И я видел, как товарищ Куйбышев, сняв кожаную тужурку, таскал тяжелые мешки к окопам.

4-я армия подвигалась к Уральску. Песчаные степи покрыты глубоким снегом. Мороз. Ветер поднимает столбы снега, перемешанного с песком. Трудно передвигаться войскам. Села и деревни, по которым пришлось проходить красным войскам, опустошены белыми.

— Какие невероятные усилия прилагал товарищ Куйбышев, чтобы обеспечить снабжение бойцов, дравшихся на фронте! После его приезда в какую-либо часть бойцы, командиры и политработники хорошо знали, что обещанные им патроны, сапоги, гимнастерки, шинели во-время придут на фронт, — рассказывает о Валериане Владимировиче боец-чапаевец.

В одной из частей 4-й армии служил бывший царский генерал Ржевский. Поверили ему красные. Не замечали за ним измены.

Обманул Ржевский доверие красных. Своими предательскими распоряжениями привел армию в кольцо неприятеля, а сам, сказавшись больным, лег в походный лазарет.

Армия осталась без боевых припасов, продовольствия и снаряжения.

Собрались на совещание командиры всех частей. Говорить было не о чем. Драться с пустыми руками невозможно.

Выступил Чапаев.

— Отступать! — коротко и грозно сказал он. — Спешно отступать! Не даваться врагу!

Все молчали. Другого выхода не было.

Под неприятельским огнем, под разрывавшимися снарядами стали отступать. Тяжело было у всех на душе. Но вот через кольцо неприятелей пробивается красное подкрепление с боеприпасами, с продовольствием. Тут и Фрунзе и Куйбышев.

Красные бились двое суток без сна и отдыха и вырвались из кольца неприятеля, захватив много пленных, боеприпасов, взорвав вражеский бронепоезд.

В этих боях особенно отличился Василий Иванович Чапаев со своей 25-й дивизией.

Встречаться и беседовать с Чапаевым Валериану Владимировичу как-то не приходилось, но отвага, смелость и находчивость Чапаева были давно известны Валериану.

Однажды (это было около Лбищенска, незадолго до гибели Чапаева) Валериан вошел в избу, где находился штаб дивизии.

В избе за столом сидел Чапаев; он склонил свою голову на руку и грустно-грустно напевал вполголоса: «Сижу за решеткой в темнице сырой...»

Ночью был сильный бой. Бойцы утомились. Врага отбросили далеко, и можно было отдохнуть. Но не мог отдыхать Чапаев, он грустил: боеприпасы кончались, продовольствия осталось мало.

— Что так грустно поет товарищ? — спросил Валериан.

За Чапаева ответил его неразлучный друг Петя Исаев:

— Василий Иванович на разные голоса поет эту песню. Если плохо ему, он на грустный голос поет, если хорошо — на веселый!

— Одну и ту же песню на разные мотивы? Это интересно! О чем же грустит Чапаев? Ведь врага отбросили — радоваться надо...

— Боеприпасов мало, продовольствие кончается, — как-то нехотя ответил Чапаев, совершенно не обращая внимания на Валериана.

— Так я вам привез и боеприпасов, и продовольствия, и обмундирование, и махорку!.. — весело прокричал Валериан.

— Привез? А кто вы такой? — недоверчиво спрашивает Чапаев.

— Я — Куйбышев.

— Ой! — вскрикнул Чапаев, вскакивая с места и обнимая Валериана. — Ой!.. Ну!.. Ой!.. — твердил он, а потом запел весело и громко: «Сижу за решеткой в темнице сырой. Вскормленный в неволе орел молодой...»

С именем Чапаева связано много побед — взятие Уральска, Лбищенска и многих других городов.

Куйбышев и Фрунзе высоко ценили заслуги Чапаева. Они обратились с ходатайством к правительству о награждении Чапаева орденом Красного Знамени.

Товарищи Сталин и Куйбышев (1927 год).

Погиб Чапаев. Не пришлось ему носить на своей груди этот орден, но память о Чапаеве осталась, большая и крепкая!

По предложению Куйбышева и Фрунзе, 25-я дивизия, которой командовал Чапаев, стала называться Чапаевской дивизией. Город, где провел свое детство Чапаев, переименован из Балакова в Чапаев.

В девятнадцатом году Валериан был членом Революционного совета 11-й армии. Фронт проходил по берегу Каспийского моря.

Противник — в тридцати верстах. План наступления на противника разработан.

На рассвете двинулись в бой.

Противник получил подкрепление и яростно сражается с красными войсками.

«Красноармейцы дрались, как львы, — рассказывал Валериан. — На передовой линии огня я видел, как геройски сражались наши части, но чувствовалось, что нам не удержать занятой позиции. Противнику удалось обойти нас с тыла. Пришлось спешно уходить из того селения, где были сосредоточены все силы 11-й армии и находился штаб».

Валериан сел в автомобиль, забрав с собой нескольких раненых.

Единственный мост через речку, которую нужно было переехать, был разрушен противником. Другого пути нет. Речку переехать нужно обязательно.

Товарищи Орджоникидзе, Ворошилов, Куйбышев, Сталин, Калинин, Каганович и Киров (декабрь 1929 года).

Шофер предлагает рискованный шаг: на машине перескочить через реку. Она не очень широкая, но глубокая; противоположный берег был на сажень ниже. Единственный способ перебраться — «перелететь» речку на автомобиле.

Разогнав сильно машину, действительно оказались на другом берегу.

Удар получился сильный. Лопнули камеры задних колес. Но цель достигнута.

Так как запасных камер не было, пришлось ехать на голых ободьях. Ехать приходилось по глубоким пескам. Колеса затягивало. Машина то и дело останавливалась, и ее приходилось вытаскивать общими усилиями.

Иногда встречались твердые полоски земли — ехали две-три версты, и опять пески засасывали машину все больше и больше. А нужно было спешить: конница неприятеля могла догнать машину и по-своему расправиться со всеми.

Наконец совершенно невозможно стало ехать. Нужно было бросить машину, но в машине шесть раненых, которые не могли самостоятельно двигаться. Оставить их в машине нельзя. Враг надвигался. Нужно было спешить.

К счастью, появилась пустая двуколка, на которую удалось поместить четырех раненых, а остальные два решили итти пешком.

«Машина наша была хорошая, системы «паккард»; за ней шоферы, два брата, ухаживали, как за живым существом. Они сменяли в рабо-

те друг друга», рассказывал Валериан Владимирович.

Страшно волновались и нервничали шоферы, когда было решено оставить машину. Они говорили, что им жаль с ней расстаться, как с родным сыном.

— Ни в каком случае не отдадим машину противнику. Надо ее поджечь, — с волнением предложил один шофер.

Облив машину бензином и положив две ручные гранаты в мотор, машину подожгли.

Горько было прощаться с родным детищем, грустно сознавать, что такая хорошая машина погибнет.

Настроение у всех было подавленное, особенно у шоферов.

Они часто оглядывались, посылая прощальный привет своему другу — машине.

Шли долго. Сыпучие пески затягивали ноги. Итти было трудно, а надо спешить — враг надвигается.

Вдруг до слуха ясно долетел звук сирены. Все узнали знакомый голос покинутой машины.

Как один, все, не сговариваясь, остановились, не понимая, в чем дело.

— Она прощается с нами, — сквозь слезы говорил один из шоферов.

— Соединились провода сирены, распаянные огнем... Сирена шлет нам прощальный привет, — поясняет кто-то.

«Машина долго, протяжно ревела, как бы прощаясь с жизнью. Долго плакали шоферы о своем родном детище», закончил свой рассказ Валериан.

Наступил двадцатый год. Валериан Владимирович с частями Красной армии совершает тяжелые переходы по степям Туркестана. По голой пустыне тянется большое количество красных войск. Караваны верблюдов и лошадей везут продовольствие, оружие, корм для животных и даже воду! Кругом — безводная пустыня.

Шли четверо суток. Шли день и ночь, без сна и отдыха. Нужно было скорее перейти туркестанскую пустыню, чтобы враг не настиг. Вести бой среди песков без отдыха было невозможно.

Наконец подошли к безлесной песчаной горе, на которой находилась станция Айдын.

Решено было вступить в бой с противником на рассвете. На отдых оставалось часа два. Подкрепились последними остатками воды и пищи.

Но отдохнуть не пришлось: с горы спускались пять человек неприятельской разведки.

Захватить разведку не удалось — она быстро скрылась за горой.

— Сейчас донесут своему штабу, и будет бой!

— Они с горы нам всыплют...

— Нужно спешить перервать телеграфную связь, а также взорвать железнодорожный путь! — распорядился Валериан и сам двинулся к железнодорожным путям.

В. В. Куйбышев выходит с заседания XVI съезда партии (1930 год).

«Со стороны тыла удалось с необыкновенно
быстротой взорвать железнодорожный путь
перервать телеграфную связь», рассказыва
Валериан, но он не упомянул, что итти на эт
операцию нужно было опять по сыпучим пе
скам, рискуя попасть в ловушку к неприятелю

Один товарищ рассказывал, с какой бодро
стью и отвагой вел за собой отряд Валериа
Владимирович.

Красные начали бомбардировать станци
Айдын, штаб Деникина.

На горе поднялась паника. Воспользовав
шись этой паникой, красные стали подвигатьс
к станции Айдын, окружая ее кольцом.

Скоро неприятелю удалось оправиться, и о
очень умело стал обстреливать красных.

Дрогнул красный фронт под обстрелом про
тивника, но все же удалось так близко подойт
к станции, что можно было из пушек громит
неприятельские вагоны.

«Наступил такой момент, когда всё побежа
ло, — рассказывал Валериан. — С горы был
видно, как пустыня покрылась огромным коли
чеством бегущих людей. А через несколько ми
нут увидели, как по гладкой пустынной местно
сти группа человек в десять тоже бежала со все
ми остальными. Это бежал командующий диви
зией противника, генерал Литвинов. К сожале
нию, утомленная красная кавалерия не могла до
гнать генерала».

Валериан красочно рассказывал, как бежа

генерал Литвинов, как торжествовали красные бойцы, забыв об усталости, о трудном переходе, о бессонной ночи, о голоде.

Победа была полная. Захвачен был весь штаб противника, два бронепоезда, огромное количество артиллерийского оружия и продовольствие, в котором так нуждались утомленные, изголодавшиеся люди.

Набросившись на еду, все весело шутили:

— А как улепетывал генерал-то!

— Вот бы догнать!

— Где там, у него лошадка-то отдохнула...

— Ног под собой не чувствует генеральчик-то!

— Наверное, кричит: «Мама, спаси меня!»

Долго не могли уснуть — всё рассуждали о случившемся событии, о бегстве генерала. Одного не могли только понять: почему после того, как разведка противника донесла о приближении красных, генерал Литвинов не начал бой?

Скоро разгадка была найдена, и она прибавила смеху и веселья в рядах красных бойцов.

В штабе нашли записку — рапорт разведки, которая доносила Литвинову, что в четырех верстах по степи тянется большая неприятельская сила со всеми видами оружия...

Рукой Литвинова на этом рапорте было написано:

«Арестовать паникеров. Чтобы в четырех верстах могли очутиться красные — это исключено. *Генерал Литвинов*».

«Развеселил белый генерал красных бойцов и своим бегством и своей надписью», весело закончил Валериан.

С победным боем красные войска продвигались дальше; нужно было соединить освобожденный Туркестан с рабочими Баку — там сидели еще белые генералы. К этому призывал Ленин, — и красноармейцы твердо выполнили эту задачу.

Валериан со своими бойцами посетил маленький заброшенный перевал Ахча-Куйма; здесь в 1918 году английские империалисты зверски растерзали двадцать шесть бакинских комиссаров и зарыли их в песках.

Валериан первый принес погибшим товарищам Шаумяну, Джапаридзе и другим привет от молодой Советской страны.

РАЗНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Когда я приехала в Москву, Валериан был одним из секретарей Центрального комитета партии.

В 1927 году, после XV съезда партии, Валериана Владимировича избрали в члены Политбюро, а скоро он был назначен заместителем председателя Совета народных комиссаров СССР.

Стойкий ученик Ленина и Сталина, он горячо сражался с врагами партии, беспощадно

разоблачал троцкистов-зиновьевцев и других контрреволюционеров, пытавшихся наносить удары великому строительству социализма.

В борьбе за генеральную линию партии он не считался ни с чем. Он отдавал борьбе все свои силы, всю свою жизнь.

Будучи одним из ближайших помощников товарища Сталина, выполняя его указания, Валериан Владимирович руководил разработкой грандиозных планов первой и второй пятилеток. Он не только разрабатывал планы, но и следил за их выполнением.

Много внимания он уделял вопросам овладения Арктикой, изучению недр страны, советской авиации, машиностроению, строительству электростанций, новых предприятий... Вообще трудно перечислить все, чем был занят Куйбышев, и всегда с одинаковым подъемом, с одинаковым увлечением.

Но он мало изменился, несмотря на свою занятость и серьезную работу.

В часы отдыха он так же умел и любил шутить, заражая своим весельем всех окружающих.

Жили мы на даче под Москвой. Валериан, сестра Маруся, ее муж и кто-то еще из гостей отправились на станцию, чтобы поездом поехать в Москву.

Вдруг возвращается взволнованный Валериан. Один. Рассказывает: все вскочили в поезд, а его оставили.

Мы, конечно, возмущены.

Через несколько минут прибегает Маруся, за ней бежит ее муж, Дмитрий. Маруся набрасывается на Валериана Владимировича с упреком, что он, выпрыгивая, столкнул ее, а Дмитрию пришлось на ходу выскочить из поезда.

Они спорят, кто из них виноват: Воля упрекает Марусю, что она его вытолкнула; Маруся возмущена — Воля толкнул ее...

Через несколько минут прибегают другие. У кого-то перевязана рука: выпрыгивая за Валерианом из поезда, чуть не попал под вагон...

Спорят, волнуются, упрекают друг друга, обижаются...

Мы в недоумении, слушаем их и не можем понять: кто же виноват?

Вдруг — оглушительный хохот. Оказывается, просто опоздали на поезд и всё сочинили. А придумал все это, конечно, Валериан.

Этой шуткой он мне напомнил и тамбовскую шутку и шутку в детстве.

Он так же любил пение и музыку, как и в детстве, и так же старался оказать музыканту или певцу незаметно свое внимание за доставленное ему удовольствие.

В пении хором он так же «держал паузу».

Иногда он во время пения на кого-нибудь рассердится. Тот в недоумении: за что? Потом выясняется, что во время пения он разговаривал или перешел с места на место...

В. В. Куйбышев на трибуне XVII съезда партии (1934 год).

Валериан горячо любил детей. Много возился со всеми своими многочисленными племянниками и племянницами. Дети тоже его любили и всегда с нетерпением ждали встречи с ним.

Предо мной часто рисуется картина: его дочь Галя, когда она была еще маленькой, подбоченясь одной рукой и с платком в другой, плавно движется к отцу, а он вприсядку идет к ней навстречу.

Окружающие поют: «Ах, дуб, дуба-дуба», и хлопают в ладоши.

Лицо у Валериана, как в детстве, сияет, а глаза делаются большими и немного навыкате.

Когда он отдыхал в Крыму, к нему из Артека приезжали в гости пионеры.

Валериан очень оживлялся с детьми, гулял с ними, показывал им что-нибудь интересное, устраивал игры.

Как-то раз он повел ребятишек в тир.

Ребята рады были показать свои способности в стрельбе. Больше всех попаданий было у Валериана, но он все-таки остался недоволен своей стрельбой.

— Нужно будет чаще тренироваться, а то я стал плохо стрелять.

Он достал карандаш и на своей мишени написал: «Очень плохо!» Эту мишень ребята повезли с собой в Артек, на память.

За столом Валериан Владимирович стал расспрашивать ребят, кто чем интересуется, кто что любит.

В. В. Куйбышев с сыном Володей (1924 год).

Ребята за несколько часов привыкли к нему и смело наперебой стали рассказывать.

Один любит путешествовать, другой — радио, третий — читать; нашлись любители шахмат, стрельбы и даже любители ловить крабов.

— А что вы любите, товарищ Куйбышев? — спросили ребята.

— Я? Я больше всего люблю пионеров. А что я люблю делать? Все люблю делать. Каждую работу люблю... Я в тюрьме научился столярному делу, переплетному, а потом был и слесарем и фрезеровщиком... Все люблю...

А потом, когда сыграл с одним мальчиком в шахматы, он сказал:

— В шахматы играть люблю...

Сыграв партию на биллиарде с маленьким пионером, он ласково потрепал его по голове и весело сказал:

— На биллиарде играть люблю!

И, обращаясь к любителю ловли крабов, он, смеясь, добавил:

— И крабов ловить люблю! Все люблю...

Ребята пристали к Валериану Владимировичу, чтобы он им рассказал о себе, о своей жизни, о фронте. Он усадил их на диван, принес фрукты и долго и много рассказывал о боях, в которых участвовал. Рассказывал о том, как в его армии был мальчик Ваня, двенадцати лет, что он участвовал в разведке и доставил много важных сведений.

— А где теперь этот Ваня? — спросили ребята.

— Я его с фронта отослал учиться. Он долго не соглашался уезжать, даже принимался плакать. А я его взял к себе на лошадь, посадил впереди себя на седло и сказал: «Ну, прощайся со своими товарищами-бойцами и обещай стать ученым и умным».

— И увезли? — возбужденно крикнул один мальчик.

— И увез. Теперь он инженер. Работает на заводе. Коммунист.

— Я бы не уехал... Я бы спрятался от вас...

— Он тоже мне всю дорогу твердил: «Зря вы, товарищ Куйбышев, со мной так поступили, зря! Мне нужно было бы спрятаться от вас, а я не догадался...»

Поздно вечером с факелами все отправились на море ловить крабов.

Впереди шел самый высокий пионер и нес зажженный факел, который плохо освещал темные аллеи парка и бросал на дорожки и кусты какие-то фантастические тени и пятна.

Ребята окружили Валериана Владимировича, и, наверное, многие трусили, но скрывали это, — нельзя было показать себя трусом перед товарищем Куйбышевым.

Было весело хватать краба, стараясь, чтобы он не вцепился больно в руку своими сильными и цепкими клешнями. Валериан Владимирович весело смеялся, принимая участие в ловле.

Совсем поздно уезжали ребята. Им не хотелось покидать гостеприимного, веселого, ласкового Валериана.

— Товарищ Куйбышев вышел нас проводить. Он долго нам махал рукой, пока наша машина не скрылась за поворотом дороги... — рассказывали пионеры Артека.

Валериан любил играть в шахматы, в волейбол и на биллиарде.

Во всех играх он очень увлекался, и когда выходил победителем, то выражение лица его было точь-в-точь, как в детстве.

— Вот так накéпали! — говорил он, уходя победителем с волейбольной площадки.

В его радости и оживлении было много детской непосредственности, простоты, восторга.

Осталась у него с детства любовь к овощам. У нас, в Кокчетаве, мало было фруктов — лакомствами служили морковь, репа, горох.

На даче в Морозовке делали несколько грядок и засеивали их горохом.

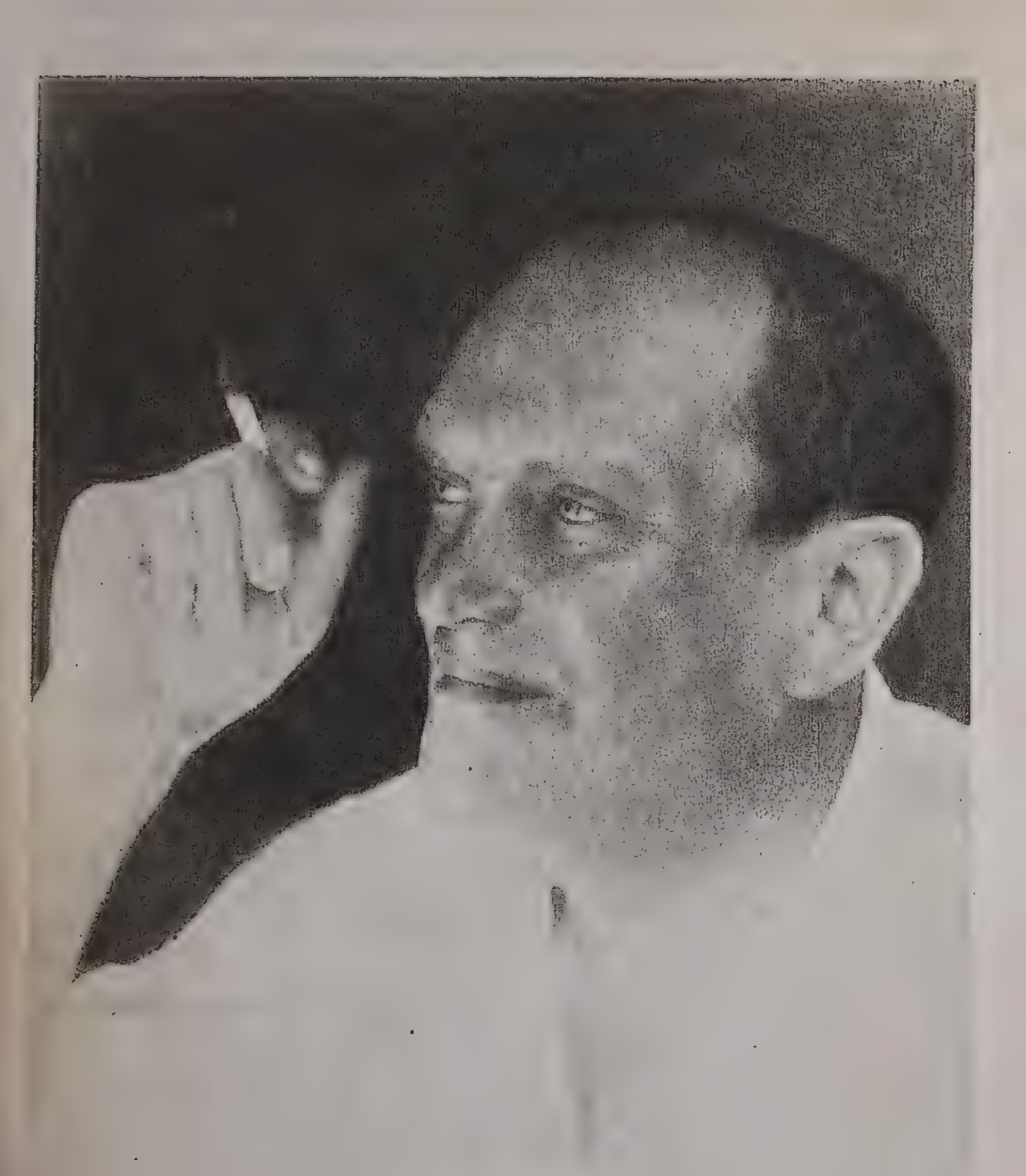
Приезжал на дачу Воля и говорил:

— Идемте пастись.

Все шли к гороху и «паслись», то есть ели зеленый свежий горох.

Валериан набивал себе горохом карманы и, сидя в глубоком раздумье за шахматами, вдруг вынимал его из кармана, ел и оделял всех рядом сидящих, вызывая недоумение на лицах гостей, в первый раз приехавших на дачу.

Для нас Валериан Владимирович был самым

В. В. Куйбышев (1934 год).

близким человеком. Мы к нему все относились с любовью, и он с самого детства всегда служил для нас примером.

Редко можно было застать его без работы. Даже в выходные дни он брал с собой на дачу туго набитый портфель и на несколько часов садился работать.

Если он даже бывал сильно занят, обязательно расспросит обо всех. Хоть на минуточку оторвется от работы.

— Расскажи мне обо всех по старшинству...

По старшинству — это чтобы в спешке не забыть о ком-нибудь.

Мы делились с ним и радостью и горем, и он всегда живо откликался на все.

В феврале 1934 года дочери Валериана Гале исполнилось пятнадцать лет. В день рождения собрались друзья и родные.

За праздничным столом — оживленные разговоры, смех, шутки. Валериан еще не приходил. Ждем его.

Пришел с утомленным, озабоченным лицом, но старается принять участие в веселье.

Все по очереди должны рассказать что-нибудь веселое из своей жизни. Все рассказывают, все смеются.

Очередь за Валерианом. Он, как бы извиняясь, говорит:

— К сожалению, я ничего веселого рассказать сейчас не могу. Мысли мои все время вот с этим письмом.

Он достает письмо и читает:

«Город Москва. Председателю комиссии по спасению челюскинцев. Дорогой товарищ Куйбышев! Спасите моего папочку. Я очень люблю своего папочку. *Ада...*»

Письмо, написанное детским, неумелым почерком, переходит из рук в руки... У Валериана грустные-грустные глаза.

В период работы в комиссии по спасению челюскинцев Валериан был очень озабочен. Редкую ночь он спал спокойно. Телефонные звонки трещали беспрестанно.

Я была свидетельницей его разговора по телефону, когда летчик Ляпидевский увез из лагеря одиннадцать человек. Валериан Владимирович говорил радостным голосом, глаза его светились.

Положив трубку телефона, он спросил:

— Кому бы еще позвонить, рассказать?..

Но ему не пришлось долго придумывать. Телефон затрещал, и Валериан бодро и радостно ответил:

— Правда, правда... сразу всех детей и женщин...

А как он волновался, когда на льдине осталось шесть человек!

— Сейчас им легко погибнуть. Трудно бороться со стихией вшестером.

А потом опять радость — шесть, последние шесть челюскинцев спасены! Опять оживленные разговоры по телефону.

Валериан аккуратно развертывал все письма, присланные ему родными и знакомыми спасенных. Он прочитывал все сам: и написанные детскими каракулями и напечатанные на машинке.

Дети присылали вместе с благодарностями и рисунки лагеря, летчиков, Шмидта, и Валериан Владимирович все внимательно рассматривал и бережно укладывал в отдельную папку.

В конце 1934 года Валериану Владимировичу удалось посетить знакомые места Казахстана и Таджикистана.

Здесь протекло его детство, здесь он воевал с белыми генералами, боролся с басмачами и кулаками. Здесь он восстанавливал советскую власть.

Через четырнадцать лет он не узнал знакомого края.

— Все там по-новому, все перестроилось, изменилось. Вырос, переделался и народ. Забитых и нищих, какие были при царском правительстве, уже не увидишь, — рассказывал нам Валериан. — Там, где когда-то Красная армия утопала в песках, ведя жестокие бои, проложена железная дорога. Там, где были безводные, изнуряющие пустыни, теперь хорошо орошающиеся хлопковые поля, наш советский хлопок! Глазом трудно охватить громадное пространство хлопковых полей. Наши собственные машины, наши собственные сооружения для орошения полей — все наше, о чем даже нельзя было и мечтать забитому народу при старом строе...

Товарищи Сталин, Куйбышев, Ворошилов, Орджоникидзе и Шмидт на трибуне мавзолея в день приезда челюскинцев в Москву (1934 год). Капитан Воронин передает товарищу Сталину холст с надписью: «Челюскин».

Валериан много рассказывал нам о росте Таджикистана и говорил, что во время отпуска он обязательно съездит к себе на родину, в Казахстан, чтобы еще раз хорошенько посмотреть, как изменился этот край, как изменился город Кокшетау.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

23 января 1935 года я в последний раз видела Валериана Владимировича.

Поздно вечером он собирался ехать к себе на дачу и звал меня с собой. Я, не помню по какой причине, не могла поехать и стала собираться домой.

Валериан Владимирович и его жена, Ольга Андреевна, вышли меня проводить в переднюю.

Валериан стоял на лестнице, ведущей в комнаты. Я уже спустилась с этой лестницы, чтобы одеться, и снизу смотрела на сильную, крепкую фигуру брата. Он оперся о перила, как бы желая подняться на руках. Лицо у него было спокойное, как всегда, глаза ласковые и веселые.

Одеваясь, я тяжело вздохнула.

— Что, у тебя болит сердце? — озабоченно спросил меня Валериан.

— Нет, оно у меня здоровое, — ответила я. — А что тебе сказал последний консилиум врачей? Как твое сердце?

Валериан выпрямился во весь рост. Он показался мне еще могучее и сильнее. Ударив себя в грудь ладонью руки, он сказал:

— Мое сердце? Это самое здоровое, что есть в моем организме.

Я поверила, верила Ольга Андреевна, да и кто бы мог не поверить, видя перед собой этого великана с могучей, сильной грудью, с веселыми, сияющими глазами, с приветливой, радостной улыбкой?

А 25-го произошла катастрофа... Валериана не стало... Его сердце перестало биться.

После смерти Валериана Владимировича у всех нас было тревожно на душе, и именно мысль о том, что эта смерть произошла неестественным путем, тревожила нас.

Я задала вопрос находившемуся в квартире

брата доктору Левину, почему так внезапно, так неожиданно отказалось работать сердце.

— Неожиданного здесь ничего нет, — раздраженно ответил Левин: — напряженная, нервная работа привела сердце в такое состояние, что катастрофы можно было ждать ежедневно.

Я обвиняла себя в невежестве и плохой заботе о брате. Как это мы до сих пор не знали, что у Валериана больное сердце?.. Да, но ему доктор Левин разрешил работать, играть в волейбол, выступать на заседаниях... Плетнев и Левин уверяли, что сердце у Валериана здоровое. Совсем недавно Левин разрешил брату ехать в трудную, далекую командировку в Туркестан...

Из командировки в Туркестан брат приехал как бы подмененный: еще на вокзале, встречая его, мы все заметили, какой он стал бледный, скучный, но все это объяснили тем, что поездка утомила его, и тем, что в Туркестане он заболел ангиной, с большой температурой. Теперь он здоров, просто немного утомился...

Но недомогание давало себя знать: он часто задумывался, часто ложился на кушетку, а то и просто клал голову на стол, чего с ним раньше никогда не бывало. Я даже как-то раз застала его дома в халате, — это тоже было необычно для всегда делового Валериана Владимировича, всегда подтянутого, всегда в работе.

— Простуда, маленькое повышение температуры, усталость, — объяснял Валериан свое состояние. — Мне доктор Левин разрешил даже

выходить и работать. Все это пустяки, все скоро пройдет...

Но чувствовалось, что он прислушивается к чему-то. Он не грустил, а именно прислушивался, — теперь мне это ясно и понятно, — он прислушивался к своему «совершенно здоровому сердцу» и, вероятно, удивлялся, что оно его обманывает. Но нам этого не говорил — не хотел огорчать — и сам обманывал себя... Вот и 23 января он сказал мне, что сердце — это самое здоровое, что есть в его организме.

СУД НАД УБИЙЦАМИ

В зале суда 2 марта 1938 года я увидела их всех... Вот они, убийцы! Полные бешеной злобы к нашей могучей родине, эти предатели замышляли продать ее по кускам фашистам, они хотели отнять у советского народа все его великие завоевания, уничтожить колхозы и отдать крестьян в рабство помещикам, хотели отнять у рабочих фабрики и заводы и отдать их капиталистам.

На скамье подсудимых сидели убийцы, шпионы, диверсанты, провокаторы — Бухарин, Рыков, Ягода и их подлые сообщники.

Это они убили славных большевиков — Кирова, Куйбышева, Менжинского, великого русского писателя А. М. Горького и его сына. Это они готовились убить товарищей Сталина,

Молотова, Ворошилова, Кагановича, Ежова. Они еще в самом начале революции, в 1918 году, готовили покушение на товарищей Ленина, Сталина и Свердлова. Это они послали эсерку Каплан убить Ленина, это они приготовили и дали ей пулю, которая ранила творца великой пролетарской революции — Владимира Ильича Ленина.

Вот доктор Левин. Он рассказывает суду о том, как он убил Куйбышева, Менжинского, Горького и сына Горького...

Он рассказывает так просто, как будто читает лекцию, а не говорит о своих чудовищных преступлениях.

По указке фашистских бандитов Бухарина, Рыкова, Ягоды, Енукидзе, он стал применять вредительские методы лечения, он разрушал здоровье дорогих нам Куйбышева, Менжинского, Горького. Он привлек к себе на помощь и других убийц, в том числе секретаря Валериана Владимировича — предателя Максимова.

Максимов получил распоряжение от врагов народа Енукидзе и Ягоды следить за здоровьем Куйбышева и, если Куйбышеву станет плохо, не звать врачей, а если звать, то только Левина или Плетнева. Максимов так и сделал.

Когда 25 января Валериан Владимирович пожаловался, что плохо себя чувствует, и решил пойти домой отдохнуть, Максимов, зная, что у Валериана Владимировича начинается приступ грудной жабы, вместо того чтобы уложить

больного тут же, в кабинете, и вызвать врача отпустил его домой.

Валериан Владимирович был очень тепло одет. На нем были меховая тужурка, валеные сапоги и калоши. Для сердца была большая нагрузка. Валериан Владимирович прошел по всему кремлевскому двору и, очень бледный и буквально обливаясь пóтом, поднялся на третий этаж, к себе в квартиру. В валенках, калошах и меховой куртке прошел он в свой кабинет. Это удивило домашнюю работницу.

— Никогда Валериан Владимирович, — говорила она, — даже в коридор не входил в калошах, а тут вдруг — в кабинет.

Валериан сам взял из соседней комнаты с кровати подушку и плед, снял суконную гимнастерку и не повесил на спинку стула, как он это делал обычно, а бросил на стул, снял валенки и лег на кушетку, укрывшись пледом.

Через десять минут работница зашла в кабинет. Она видела, что Валериану Владимировичу делается все хуже и хуже. Позвонила об этом Максимову. А еще через десять минут, войдя в кабинет, она застала Валериана Владимировича уже мертвым.

Убийца Максимов послал за Левиным. Ждали его больше часа. А в первом этаже дома, где жил брат, в этом же подъезде, была амбулатория. Здесь всегда были дежурный врач и сестра, и Валериану Владимировичу могла быть оказана немедленная помощь.

Так совершилось убийство выдающегося ре-
волюционера, заместителя председателя Совнар-
кома СССР, члена Политбюро ЦК ВКП(б) Валериана Владимировича Куйбышева.

И вот убийцы на скамье подсудимых. Я смотрела на переполненный зал суда. Здесь представители от фабрик и заводов, от колхозов, от Красной армии, от учащихся, врачей — от всей страны... Гнев и презрение были в глазах у всех присутствующих.

Суд выносит приговор: высшая мера наказания — расстрел!

Вздох облегчения пронесся по залу.

Я смотрю на убийц моего брата, и мне хочется крикнуть им:

— Палачи! Вы убили моего родного Валериана, вы хотели убить всю страну, которую вы ненавидите! Вся страна судит вас, и все, как один, требуют: «Нет пощады! Смерть убийцам!»

...25 января, на тревожный звонок по телефону, я прибежала в Кремль, на квартиру брата.

Войдя в кабинет, я застала Волю на кушетке без дыхания. Он был бледен, спокоен и не открыл своих ласковых глаз, не улыбнулся приветливо.

Около него сидела его жена, Ольга Андреевна, которая была отличным товарищем брата. Она не плакала, а только удивленно смотрела на плотно закрытые глаза Валериана и гладила его высокий, большой лоб, совсем уже холодный.

Жизнь прекратилась...

Оживленного, веселого, ласкового, заботл вого, любимого, дорогого Валериана мы бол ше никогда не увидим.

О нем останется память как о брате, друг товарище, самом близком и дорогом.

Его жизнь, как маяк, будет светить всем, кт его знал.

Жизнь Валериана Владимировича, отдавше все свои силы делу рабочего класса, будет я ким примером для многомиллионной детворы, которой он неустанно заботился.

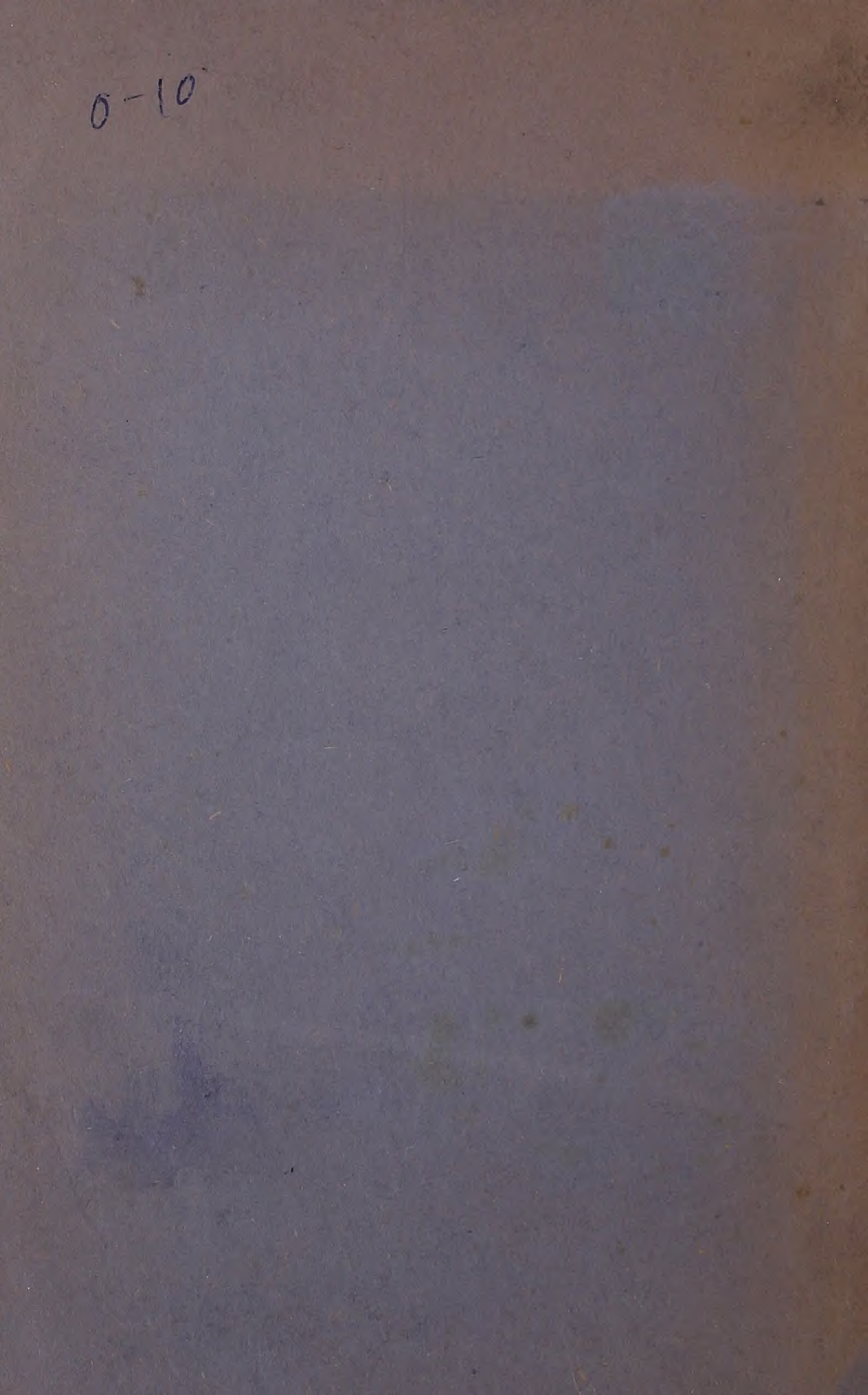
ТЕТРАДЬ

по ______________________ учени ______

______ класса ______________________ школы

____

____

0-10